

СВЕТЛАНА ЛИПНИЦКАЯ

16+

СЕРИЯ "АСТРОБИОЛОГ", ТОМ I

ВАКАНСИЯ ЗА ТРИДЕВЯТЬ ПАРСЕКОВ

Астробиолог

Светлана Липницкая

Вакансия за тридевять парсеков

«Автор»

2018

Липницкая С.

Вакансия за тридевять парсеков / С. Липницкая — «Автор»,
2018 — (Астробиолог)

Любой порядочный астробиолог надеется отыскать внеземную жизнь, но я представить не могла, что мечта сбудется с таким размахом! Вместо простеньких микробов я получила полный корабль пришельцев, раскаленного приятеля, ассортимент инопланетных монстров и космических пиратов на хвост. А ведь для счастья хватило бы полкило бактерий и такси до Солнечной системы! Как отыграть все назад, если родная планета теперь за тридевять парсеков? И надо ли?..Авторская редакция 2022 г.

Содержание

Планета Земля. Мобильная астробиологическая база	6
Космический рейдер «Армада»	17
Межгалактический линкор «Фибрра»	20
Космический рейдер «Армада»	39
Межгалактический линкор «Фибрра»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Липницкая

Вакансия за тридевять парсеков

Планета Земля. Мобильная астробиологическая база

Мало кто сходу ответит, кто такие астробиологи. Когда я называю эту профессию, чаще всего на меня смотрят с недоумением. Изредка кто-то уточнит, не те ли это товарищи, что ищут пришельцев и летающие тарелки. В этом случае я пытаюсь растолковать: не ищут, а рассчитывают возможности, не верят, а изучают предпосылки, и шапочки из фольги они не носят, и вообще это серьезная наука о жизни и...

В этом месте меня прерывают, просят не грузить и смеются: "Все у тебя, Сашка, не людски, даже работа инопланетная!". И я умолкаю, не желая объяснять, что пока еще не астробиолог. Всего лишь лаборант в профильном научно-исследовательском институте, и до инопланетности этой должности ох как далеко!

Посвящая жизнь науке, я мечтала исследовать звездные карты, проводить сложнейшие опыты, рассчитывая вероятность возникновения жизни в дальних уголках Вселенной... Будни лаборанта астробиологической лаборатории похожи на все это, как удав на наковальню. Мой рабочий день заполнен отчетами, мелкими поручениями и изредка – ассистированием кому-то из старших коллег. Практически секретарь, всего и разницы, что вместо писем от бизнесменов у меня пробирки, а взамен бухгалтерии – квартальный отчет по биоматериалу. Только летние выезды немного выбиваются из этой рутины, хотя к серьезным делам меня не допускают и здесь.

Но я не жалею. Свою работу я люблю больше всего на свете, ведь когда-нибудь благодаря ей найду внеземную бактерию и докажу, что жизнь возможна не только на Земле! Стану первой, кому это удалось, и мое имя войдет в историю главных мировых открытий! Ради этого можно бросить на алтарь что угодно, и насмешки – небольшая цена!

Жизни – земной или нет – неохота зарождаться в зимнюю стужу, так что пик занятости астробиолога приходится на лето. Нынешнее выдалось дождливым, но сегодня, будто на заказ, чернильное небо сверкало россыпью звезд.

Местность вокруг была дикая, с дремучим нехоженым лесом, и наша база смотрелась здесь чуждо и уныло. Три жилые палатки кое-как спасала камуфляжная расцветка, но самая крупная, белая, для мобильной лаборатории, выглядела на фоне девственной природы, как свалившийся с небес холодильник.

За прошедшую с прибытия неделю мы с коллегами успели собрать все запланированные образчики, с тоски расколупать пару реликтовых камней в походных условиях и возжелать вернуться к цивилизованным. И могли бы улететь отсюда еще вчера, если бы нашему начальнику не припекло искать метеорит.

«Прекрасная возможность», «уникальный шанс» – ну-ну... Из-за капризов руководства наша лаборатория прибыла на место к окончанию персеидов¹, когда другие уже урвали и свое, и наше. Так что, несмотря на громкое «район повышенной метеоритной активности», наши реальные шансы стремились к нулю. Старшие коллеги весь день пытались донести эту простую истину до Вилаина Иосифовича, но, судя по отголоскам ругани из палатки, переубедить начальника им так и не удалось.

С заходом солнца на лугу похолодало, от леса потянуло сыростью. Завыли комары, предпринимая суицидальные попытки испить из отравленных репеллентом тел. Стоило дернуть ладонью на очередной укус, как старенький телескоп, еще с ручной калибровкой, мгновенно сбивался. Я мучилась с ним уже полчаса, не теряя надежды все-таки поймать в объектив реак-

¹ Персеиды – ежегодный метеорный поток со стороны созвездия Персея, наиболее активен в середине августа.

тивно проносящийся метеор и подозревая, что Вилаин поручил мне это занятие исключительно из мести. Как же! Какая-то лаборантка – и тоже против него выступает? Не доросла еще!

Сказать по правде, не очень-то я и выступала. Просто солидарно молчала, когда старшие высказывали свое «фи».

– Саш, ты пришельцев уже видела? – Зиночка, наша вторая лаборантка, мялась рядом за компанию, рассудив, что чем дальше от начальства, тем лучше.

Подобные вопросы мне не задавали разве что немые. Как я уже говорила, обыватель свято уверен, что астробиологи – это такие не совсем адекватные люди, которые лично знакомы с зелеными человечками и летающим макаронным монстром. Мы ищем жизнь на других планетах и смеем называть себя учеными – удивительно, что нас на костре не сожгли до сих пор! Приводить аргументы и рассказывать об исследованиях можно до хрипоты, с нулевым результатом. И ладно другие, но Зина-то должна понимать!

– А на орбите Сатурна новый спутник нашли, – продолжала трепаться та. Отсутствие моего участия в диалоге ее нисколько не смущало. Кажется, она вообще не обратила на это внимание, занятая попытками поймать сеть на смартфоне. Понятия не имею, на что она рассчитывала: блага цивилизации остались в ста шестидесяти километрах к югу, за лесом, речкой и горной грядой. – Шустрый такой, планету за тридцать часов облетает! Вот бы это не спутник был, а инопланетный корабль...

Знай я Зинокку похуже, может, и поверила бы, а так лишь глаза закатила. Девчонка через день радовала нас очередным открытием века, почерпнутым в «вестнике необъяснимого» и прочих пестрящих сенсациями и заговорами от подагры источниках.

– Так вот где моя бактерия прячется, – задумчиво пробормотала я. От долгого молчания голос охрип – в последний раз я открывала рот еще утром. – Осталось только за ней слетать! Седлай пегаса и не забудь предупредить крестную фею, чтобы не ждала нас к ужину.

– Зря ты так! – обиделась Зиночка. – Мечтать надо с размахом: чтоб космические крейсера, межзвездные перелеты, прекрасные гуманоиды с горящим взором... Ну что ты хочешь?

– По-моему, мы с тобой разные книжки читаем. Что-то не помню в справочнике Биля прекрасных гуманоидов, если не считать портрета юного Эйнштейна, конечно.

– Фу, какая ты пессимистка!

А вот это несправедливо. Чтобы часами ковыряться в пробирках, пытаюсь выяснить, действительно ли клеткам позарез нужна вода, надо быть урожденным оптимистом. Утрирую, но суть не меняется: мы изучаем то, чего, возможно, вообще нет. Без неумемного любопытства и веры в чудо в нашем деле свихнуться можно. Просто, в отличие от Зинокки, я пришла в астробиологию не ради знойного пришельца со стальным бицепсом. Зато внеземные микроорганизмы после всего пережитого обязаны если не жениться на мне, то хотя бы дать в руки! Вот тогда и окупятся все годы учебы, нудятины с отчетами и даже сегодняшняя ночь в компании голодных комаров!

– Девочки, закругляемся! – высунулась из белой палатки Инна Ивановна, как всегда что-то жующая. Однажды на моих глазах ритмично хрустела сухариками над чашкой Петри – беспечность, порожденная многолетним опытом. Я прониклась бы к ней больше, если бы не периодические попытки сосватать мне сына – мол, красивой молодой девушке необходим мужик за спиной.

Насчет красивой спорить не очень-то хотелось, но ежеутренняя реальность намекала, что путь на обложки глянцевого журнала мне заказан. Разве что в рубрику «трудоголик месяца», ага. Вот там серые глаза с лиловыми синяками под ними и встрепанная шевелюра невнятного пепельного оттенка пришлось бы как раз впору!

Конечно, хороший отпуск дело бы поправил, но как, спрашивается, выкроить на него время? Убийственный график работы не позволял мне завести даже зверушку, не говоря уж

о мужьях, друзья и прочей компании. Я даже телефон, в отличие от Зиночки, оставила дома: он мне и в городе не очень-то был нужен, не то что в этой глуши! Ради мечты всей жизни приходится чем-то жертвовать, особенно, когда она такая, как у меня.

Лабораторная палатка была разделена надвое: с одной стороны, отгороженный клеенчатой ширмой, расположился рабочий бокс, а другую мы креативно приспособили под склад, сгрузив туда походный скарб: аптечки, фонарики, провиант и прочую мелочёвку. Здесь мирно гудел генератор, привычно пахло дезраствором, а у входа громогласно «совещались» Вилаин и Нинель. Последняя была его заместителем и потому в выражениях не стеснялась.

– Поймете вы или нет?! – рычала она, эмоционально жестикулируя. – Пока НИИ тянуло резину, тут астероид распилить можно было! На что вы теперь рассчитываете?!

– Вы видели, сколько воронок вокруг?! – орал в ответ Вилаин, выпячивая вперед брюшко в идеально выглаженном лабораторном халате. Как ему удалось сохранить его в таком виде среди непаханой природы, оставалось лишь гадать. – Они тут веками падают! Если найдем хоть один осколок...

– У конкурентов ваш осколок! Третья лаборатория еще в июле приехала! Сто раз успели эти кратеры обыскать, если здесь что-то и было, оно теперь у них! А я не собираюсь бегать тут с лопатой, глаза выпучив! Не у вас из-за этой задержки нормальные исследования сгорят!

– Нинель Рустамовна, я не собираюсь упускать такой шанс из-за вашей нерасторопности!

Нинель раздулась от возмущения, зло сплюнула и выскочила из палатки, оставив начальника мрачно пытеть ей вслед. Обвинения, конечно, были беспочвенны, и Вилаин, кажется, сам это понял. Немного поворчав себе под нос, виновато покосился на выход и распорядился:

– Верните ее кто-нибудь, а то еще на зверя какого напорется. Все-таки дикий лес...

Идти пришлось мне, потому что Инна уже сбежала в свою палатку, а Зиночка, услышав про зверя, так вытаращилась, будто углядела за стеной стаю вурдалаков. Налобный фонарик Нинель светился у самой кромки леса, где бесстрашная дама и обнаружилась с почти догоревшей сигаретой в зубах и недостойной научной степени бранью на языке.

– Что, самому прийти кишка тонка? – прозорливо усмехнулась она, стоило мне подойти. – Саш, ну разве я не права? Давайте еще клад поищем, чего там! На год тут останемся, раз приехали! Тьфу!

Я неопределенно помычала, разглядывая лес. Это у Нинель в городе исследования, а меня ждет только дневник наблюдений и жаркая переписка с бухгалтерией о целесообразности покупки хроматографа. Выступать против задержки при таком раскладе невыгодно.

– Может, завтра новый метеорит упадет, а мы рядом, – шутки ради предположила я, задирая голову к звездам.

Когда-то я надеялась, что один из небесных камешков принесет с собой мою неуловимую бактерию, но эту мечту жестоко избил реальность. Осколки метеоритов на долю нашей лаборатории перепали редко, причем уже изученные вдоль и поперек, в основном оседая в более крупных центральных НИИ. Так что стремление Вилаина Иосифовича во что бы то ни стало найти свеженький было отчасти понятно, но не торчать же нам здесь до зимы!

– А чего не звездолет сразу? – скептически сморщилась Нинель. – Саш, тебе сколько, лет тридцать? А, двадцать шесть... Ну вот, когда я была в твоём возрасте, я тоже во все это верила. Надеюсь на Первый контакт² и прочую чепуху. А в итоге у меня ревматизм от таких вот гуляний, а из пришельцев только Вилаин – будь он неладен! – Иосифович, который со звезды плашмя рухнул, вот очевидного и не понимает.

– Тогда зачем вы тут работаете? – неприятно удивилась я. Похоже, считать всех коллег оптимистами было неправильно.

² Первый контакт – первая встреча с внеземной формой жизни.

– А куда деваться? – Нинель обвела луг руками, словно предлагая мне найти там свободную вакансию. – Я двадцать лет этой профессии отдала. Переучиваться поздно, лет через десять на пенсию выйду и забуду это все как страшный сон. А тебе совет: бросай это дело, пока еще можешь. Астробиология только издали красивая, а на деле – манок для мечтателей. Иди туда, где реальные вещи изучают, а не сказки.

Она со вздохом затушила сигарету и направилась к палаткам. Я приотстала, а потом и вовсе свернула к оставленному в поле телескопу. Интересно, а я в сорок пять тоже буду такой? Когда это придет – после сотой неудачи, тысячной? Да, у нас не самая активная наука, но ведь когда-то люди считали Землю плоской, а Луну – недостижимой. Новые открытия того стоят, что бы там ни говорила Нинель.

Думая о своем, я отвинтила и сложила окуляры в бокс, чтобы им не повредила ночная роса, накинула на телескоп чехол и уже собиралась идти спать, когда на горизонте появилась падающая звезда. Я улыбнулась ей, приветствуя, как давнего друга. Поддаться, что ли, суеверию, пока никто не видит?..

Не знаю, услышала ли звезда мое желание, но откровенный игнор с ее стороны я ощутила, едва открыв глаза. Она продолжала лететь как ни в чем не бывало, наплеватьски отнесясь не только ко мне, но и к атмосферному трению, в котором давно должна была сгореть. И если первое было в порядке вещей, то второе...

Неужели метеорит?.. Нет, ну какова вероятность...

Я хищно подобралась, не отрывая взгляда от яркой точки: если удастся хоть примерно понять, куда он упадет, можно с чистой душой захватить находку себе. Главное успеть туда раньше третьей лаборатории!

Метеорит заметался из стороны в сторону, чего порядочные небесные тела себе вообще позволять не должны. Светящийся диск резко прибавил в объеме и, заложив широкую дугу, беззвучно канул в лесу.

Я подобрала с пола собственную челюсть и бросилась к палаткам.

– Эй, все сюда! Скорее!

– Что еще стряслось? – проворчал Вилаин, выглядывая из второй справа палатки. Судя по хмурому лицу, он уже забрался в спальный мешок и экстренно вылезать оттуда ему не понравилось.

– Там аномалия! Метеорит! Бежим скорее, вон за той сосной упал, я заметила!

– Саша, не выдумывай! – сердито прервала Нинель, не соизволив даже выглянуть. – Понимаю, тебе хочется утереть мне нос после нашего разговора, но поднимать всех ради...

– Но там правда что-то упало! – возмущенно перебила я, указывая направление рукой. – Близко, прямо деревья подсветились! Идемте и сами увидите!

– Александра! – грозно нахмурился Вилаин. – Включите голову! Если бы неподалеку что-то рухнуло, мы бы это услышали. Камни с неба бесшумно не падают, вам ли не знать? Если он и был, то очень далеко, искать смысла нет, мы просто не дойдем. Идите в палатку!

Резон в его словах был, но ведь я своими глазами видела! Почему метеорит оказался таким тихим, можно было бы и на месте разобраться!

– Но...

– Саш, да уймись ты, ради бога! – простонала из глубин общей с Нинель палатки Инна Ивановна. – Дай поспать нормально!

– Сашенька, пожалуйста! – поддержала ее Зиночка. – Мне тут одной страшно!

Я затопталась на месте, нерешительно оглядываясь на лес. Ну как они не понимают! Крупный метеорит – это же такая редкость! Даже без жизни на нем, он уникален сам по себе! В любой лаборатории с руками оторвут, а эти не идут! Даже Вилаин: искать осколочек он, видите ли, хочет, а когда тот сам в руки падает...

– Живо! – рявкнул начальник, шлепком по щеке отправляя алчно присосавшегося к ней комара в лучший мир.

Неохотно забравшись в нашу с Зиной палатку, я плюхнулась на спальный мешок, не потрудившись влезть внутрь, выключила фонарь и угрюмо отвернулась к стене.

– А что там было-то? – прошептала в темноте любопытная Зиночка, еще не успевшая обрасти коркой скептицизма. – Саш?

Ответа она уже привычно не дождалась, еще немного поворочалась и затихла. Я свирепо разглядывала колышущийся от ветерка тент и решала, хватит ли во мне смелости уйти в одиночку. Да, лес дикий, тут действительно водятся животные – нас предупреждали перед прилетом. Но каков шанс нарваться на хищника в километре от собственной базы? Мы днем так орала, что все зверье распугали! И вообще, венец природы я или кто?..

Если сидеть в теплой палатке, пока все самое интересное происходит снаружи, немудрено разочароваться. Но я-то не Нинель! Так пусть отравится медведь, сожравший меня на пути к открытию!

Труднее всего было дожидаться, когда все уснут. Первой на весь лагерь громогласно захрепела Инна Ивановна, умудряясь аппетитно причмокивать даже во сне. Вычислить Вилаина тоже было нетрудно, да и Зина рядом сопела ощутимо. А вот понять, спит ли Нинель, было почти невозможно. Пришлось выжидать, и через несколько минут я чуть не уснула сама.

С трудом продравшись сквозь дремоту и недостойное желание плотнее укутаться в спальный мешок, я осторожно, не включая фонарь, прокралась в лабораторную палатку. Нашарить в потемках стол оказалось просто, а вот сыскать на нем пустой контейнер (не в кулак же осколки собирать!) удалось не сразу. Сперва нащупалась банка газировки, потом опять она. Беззвучно ругнувшись, я сунула настойчивый напиток в карман безрукавки, чтоб не попадался под руку, наконец нашла бокс и даже рабочие перчатки и, уже пробираясь к выходу, все-таки что-то уронила. Не дожидаясь, пока коллеги проснутся и пришьют меня к спальнику, я поспешно обогнула палатки и бросилась в лес.

Конец лета – коварное время года. Днем еще ярко светит солнце, но ночи уже холодные, так что в лесной сырости я быстро пожалела, что не оделась потеплее. Рабочие перчатки, натянутые в первые же минуты, согревали слабо. Вдобавок откуда-то приползла туча, и по макушкам сосен зашелестел мелкий противный дождик. Хорошо хоть вниз почти не долетал.

Собственную глупость, граничащую со слабоумием, я осознала уже через сотню шагов, когда, неуверенно оглянувшись назад, обнаружила за спиной сомкнувшиеся деревья и тьму. Вторую ошибку я совершила, понадеявшись, что достаточно будет диаметрально сменить направление, чтобы выйти обратно на луг с палатками. Ни через пять, ни через двадцать минут лес редеть и не подумал, а проклятый луг словно растворился. Некоторое время я еще пыталась отыскать опушку, хаотично выхватывая из темноты деревья фонарным лучом, а когда наконец признала, что заблудилась, не помнила уже не только откуда пришла, но и откуда ушла.

В ночном лесу было жутко. Зябко ежась и оглядываясь на каждый шорох, я замерла на месте, стараясь не поддаваться панике. Спокойно, тут недалеко, меня в любом случае найдут. Хотя бы в качестве обглоданных костей в чернике...

Так, отставить меланхолию! Летняя ночь короткая, через несколько часов рассветет, и я мигом соображу, в какую сторону двигаться. Можно, конечно, начать орать, пытаюсь добудиться коллег, но шуметь было боязно. Мало ли кто меня услышит – может, рядом волки бродят. Или медведи. Или маньяки! Нет, лучше развести сигнальный костер. Правда, для этого придется найти в насквозь промоченном дождями лесу сухие ветки и спички. Проще разыскать единорога и вежливо попросить подвезти до базы...

Над головой издевательски покачивались макушки сосен, но даже не будь их, определить направление по хорошо знакомым звездам помешал бы дождь. Я нашла север по мху и веткам, но не успела обрадоваться, как с ужасом поняла, что все равно не помню, в какой стороне леса находится поляна с нашим лагерем. Пилот вертолета, который выбросил нас тут со всем нашим добром, прочел целую лекцию о том, как мы должны себя вести, чтобы вернуться домой в полном комплекте. Но кто его слушал? Нам же в голову прийти не могло, что кто-то сунется в лес ночью, без рации, да еще в одиночку!

Ну я и влипла. И о чем только думала? Что тут в потемках найти можно, кроме приключений на нижние девяносто?

Приключения не заставили себя ждать. Стоило мне вынырнуть из тяжких раздумий и в сердцах пнуть какую-то кочку, как кустик за ней отчетливо хрустнул, закачался и выстрелил мне в ноги серым комком.

Взаимно не представившись, мы с комком шарахнулись в разные стороны. Я с перепугу даже завизжать не смогла, только прицельно метнула в неведомую тварь контейнер, а дальше мое тело драпануло без участия разума, на чистых инстинктах. Во всяком случае, ни понять, кто это был, ни запомнить направление позорного бегства от дикой природы я и не подумала.

Обгоняя собственную душу, я бежала вглубь леса, не разбирая дороги. Легкие разрывались от непривычной нагрузки, адреналин горячил кровь. Изнеженный организм задохнулся уже на первых секундах гонки, но страх гнал вперед, пока какая-то благословенная коряга не попала под ноги. Я споткнулась и кубарем скатилась в овраг. Сбитый с головы фонарь пикирующей чайкой нырнул в грязь и затонул с концами.

На дне было воды по щиколотку, так что ботинки мигом промокли насквозь, и холодная жижа, попавшая на ноги, слегка меня отрезвила. Стоя на четвереньках, я с минуту пыталась нормально вдохнуть, но воздуха каждый раз было слишком мало. Пахло хвоей, плесенью и влажной землей, а еще ни зги не было видно. Фонарь сквозь грязь даже не просвечивал, а непривыкшие к полной тьме глаза казались ослепшими.

Что это, черт возьми, было? Вроде небольшое, на волка не похоже. Заяц? Или куница какая-нибудь? Ладно, главное, что за мной не побежало!

Немного успокоившись, я попыталась нащупать фонарь, но ничего не нашла. Должно быть, электронная начинка не пережила купание в этой луже. Он рассчитан на работу при тумане и дожде, но не под водой же целиком!

Длительное пребывание в этом овраге грозило бронхитом, циститом и острым кишечным расстройством, так что пришлось плюнуть и карабкаться наверх вслепую. Это оказалось не так-то просто: бережок был глинистым, раскис под затяжными летними дождями и представлял собой веселенькую горку. Осклизлая глина скользила, не давая достаточной опоры.

Кое-как выбравшись, я уселась прямо на землю, шумно переводя дух. Чего теперь терять-то, все равно уже изгваздаться по уши! Перчатки вообще порвались надвое, пришлось их выбросить. Испачканные брюки противно липли к икрам, ноги наотрез отказывались куда-то идти, а мозг уныло ворочал непривычно мрачные мыслишки. Сходила за мечтой!

Соображалка в таких условиях работала с натужным скрипом. Остаться здесь, чтобы не заплутать окончательно, или все же попытаться самостоятельно отыскать опушку? В следующий раз можно свалиться вместо оврага в чью-нибудь берлогу, но и сидеть тут в качестве шведского стола для полуночной тусовки хищников как-то не хочется. И вообще, вдруг повезет споткнуться о метеорит? В месте падения должно было остаться зарево, которое можно увидеть издали. Если бы удалось влезть повыше, я бы наверняка приметила.

Кстати, а почему бы и нет? Надо только выбрать ствол покорявее, чтобы была опора ногам. Высоко мое избалованное городской жизнью тело не поднимется, но попробовать стоит. Может, и базу свою разгляжу!

Приободрившись, я неуверенно приблизилась к ближайшей сосне. Дерево покачивало нижними ветками на уровне моей макушки, намекая, что до венца природы мне, как лопуху до бабаба. Лихо хекнув, я взмахнула ногой, пытаюсь достать до них, и с шипением свалилась к корням, зажимая старчески хрупнувшее бедро.

Кажется, дикая природа что-то против меня имеет...

К счастью, боль вскоре отступила, а нога осталась при мне и даже работала. Желания состязаться в гибкости с проклятым деревом поубавилось, и я ограничилась тем, что подпрыгнула и, кое-как уцепившись за ветку, повисла на ней сарделькой. Высота прибавилась, видимость – наоборот. Со всех сторон нависали ветки – пушистые, разлапистые, между голых стволов местность и то лучше просматривалась. Я повисела еще немного, пытаюсь затылком отвести от лица назойливую хвойную лапу, и уже хотела спрыгнуть, когда наконец заметила вдалеке переливчатые огоньки. Не какие-нибудь там мифические, манящие путников в болото, а нормальные, яркие, явно электрические огоньки! Наверняка это коллеги фонари зажгли, больше некому. Хотя где-то поблизости до сих пор базируется третья лаборатория... А, без разницы, главное нашлась, а там уж как-нибудь разберусь!

Снисходительно фыркнув на несговорчивую сосну, я спрыгнула и побежала на свет.

Первая моя мысль была глубоко нецензурной. Я собиралась экспрессивно высказать ее вслух, да так и застыла с распахнутым ртом.

На противоположном краю небольшой полянки, мерцая разноцветными огоньками и вся лучась светом, стояла штукавина, навевавшая мысль о космической фантастике. Вытянутой формы, абсолютно обтекаемая, вся какая-то скругленная и даже на вид очень быстрая, больше всего она напоминала высокотехнологичный... истребитель? Скорее, вертолет: по бокам виднелись два цилиндрических изгиба, в которых, должно быть, располагались лопасти.

Не на шутку раздухарившийся дождь щедро поливал все вокруг, затекая мне за шиворот, а на поверхности «вертолета» моментально испарялся, создавая впечатление, что эта штука дымится. На фоне переливчатых огоньков это смотрелось довольно таинственно... если не сказать, зловеще.

У подножия странной машинки обнаружили трое людей. Свет, исходивший от нее, качественно освещал полянку, давая возможность их рассмотреть, в то время как они меня заметить не могли. И хотя расстояние мешало разглядеть лица подробно, двое из этой компании показались мне похожими, как близнецы. Лылые, широкоплечие и тощие – точь-в-точь вешалки, они синхронно вышагивали по поляне, как два зеркальных отражения друг друга. Оба держали в руках по приборчику, которые направляли на лес, раскачивая ими туда-сюда.

Третий был повыше ростом и не спеша осматривался, делая заметки в... планшете, судя по всему. На руках что-то металлически поблескивало: украшения или даже перчатки. Бестолковые какие-то: только суставы пальцев прикрывают и немного – тыльную сторону ладони. Кроме того, подозрительный тип отличался такой жгучей блондинистостью, будто его сахарной пудрой припорошили. Альбинос, что ли?.. М-да, и лылые двойняшки. В странном месте нынче слет любителей альтернативной внешности проходит...

Затаившись в кустах, я лихорадочно соображала. Кто эти люди? Уж точно не третья лаборатория! Но почему нас не предупредили, что в районе работает кто-то еще? Стоит ли выйти к ним и попроситься в попутчики? А вдруг это военные, у которых приказ стрелять на поражение по заблудившимся в лесу девицам?

Оружия у них, кажется, не было. На всех троих были одинаковые темные комбинезоны со светлыми нашивками на плечах и груди. Похоже, серьезная контора, раз даже корпоративная форма есть. Мы вот просто надеваем халаты поверх обычной одежды, и то не всегда. Чем же они тут занимаются в такое время? Может, в этом лесу аномальная зона сейсмической активно-

сти и правительство отрядило группу перспективных геологов на проверку? Или здесь водится редкий вид бобров, и какой-нибудь НИИ вскладчину нанял вертолет для их изучения...

«Вертолет» с этими версиями сочетался плохо. Ничего себе техника для бобров! Впрочем, не все НИИ такие нищие, как наш. Я как-то участвовала в приемке техники и видела чужие накладные: некоторые крупные лаборатории укомплектованы по самое не могу. Их, наверное, лесной «вертолет» и не удивил бы.

Я же не могла отвести взгляд. Наша провинциальная лаборатория довольствовалась присланными данными, из серьезной техники у нас был разве что металлоискатель. А тут такое футуристичное чудо, будто всамделишный корабль инопланетян! С ума сойду, если не рассмотрю поближе!

Оглянувшись на геологов-военных, или кто они там, я перебежала на другой край поляны и с любопытством высунулась из кустов.

Лопастей в окрестностях не было, и я даже усомнилась насчет вертолетной классификации. Но раз бывают вентиляторы без лопастей, то и вертолеты, наверное, могут быть? В том, что эта штука летает, сомнений не было, иначе как бы она проехала по такому глухому лесу!

Легкий ветерок, гуляющий по поляне, насквозь промокшей мне казался ледяным ураганом; от «вертолета» же шло тепло, которое ощущалось даже с расстояния. Подкравшись поближе, я осторожно протянула руки к чуду техники и почувствовала, как медленно отогреваются озябшие пальцы.

Будто дразнясь, «вертолет» зиял открытым в брюхе шлюзом, от которого до самой земли спускались ровные белые ступенечки. Они заморозили меня, как ворону из басни – нежный голосок лисицы. Мысли в голове роились, как взбешенные дымарем пчелы.

Что случится, если я незаметненько загляну внутрь? Всего-то одним глазком, все равно те трое отошли на другой конец поляны. Даже обувь сниму, чтобы не оставлять на белом пластике ступенек грязные следы. Погреюсь буквально минутку – и быстро назад! Никто и не заметит, что я там была... Зато будет, что коллегам рассказать. Метеорит не нашла, но все равно не зря прогулялась!

Согреться хотелось так сильно, что все сомнения отошли на второй план. Убедившись, что «геологи» пока не собираются возвращаться, я под барабанную дробь сердца поставила разутую и наскоро оттертую от грязи ногу на теплую, будто прогретую солнцем ступеньку и замерла, ожидая чего-то страшного.

Но ничего не случилось. Не взвыла сирена, разрывая ночную тишину, из открытого шлюза не высунулись стволы пулеметов, а люди даже не посмотрели в мою сторону, продолжая разгуливать по полянке как ни в чем не бывало. Осмелев, я вскарабкалась вверх, тщательно проверяя, не оставляю ли следов, но белый пластик будто впитывал влагу, мгновенно высушивая мокрые пятна. Внутри «вертолета» было изумительно тепло, светло и... пусто.

Совсем пусто. Никаких приборов, рычагов, тумблеров и даже кресел для экипажа. Только белый полукруг стен со световым контуром по краю. Иллюминаторов тоже не было, хотя готова поклясться, что снаружи видела затемненное стекло.

Вот тебе и чудо техники! Обыкновенный муляж: снаружи красиво, а внутри полая коробка. Зато все более-менее встало на свои места: должно быть, тут просто снимают кино.

Будь здесь еще одна группа ученых, мы бы наверняка о ней знали. А вот кино нас никоим образом не касается, и предупреждать о выборе места для съемок никто бы не стал. Правда, не совсем понятно, куда делись операторы, режиссер и прочие необходимые этому действу люди. Может, еще не приехали или ушли на перерыв? А актеры внизу бродят, съемочную площадку осматривают. Интересно, про что фильм? Вот бы про космос, как раз декорации соответствующие. Или про какую-нибудь дождливую планету и далекое будущее. Здорово!

К кино я относилась равнодушно, но побывать на настоящей съемочной площадке было интересно. Продолжая осматриваться, а заодно и отогреться, я на цыпочках двинулась вперед.

Кусок стены так неожиданно отъехал в сторону, что я едва не выронила грязную обувь на безупречно чистый пол. Я сунула нос в открывшуюся нишу, заранее состроив виновато-извиняющуюся мину на случай, если там будет кто-то из съемочной группы, но это оказался обыкновенный шкаф. Бардак, который там царил, не поддавался описанию.

Прямо на полу, игнорируя три пустые полки, валялась гора трухлявого тряпья. Над этим безобразием немым укором располагалась вешалка с целым набором разномастных плечиков с чехлами, надежно закрепленных на перекладине. Брезгливо приподнятый мною платок выглядел так, будто его пережевал и выплюнул огромный мазутный монстр. Ну у них и гримерка! Прибраться не могли, что ли?

И тут за стеной что-то бухнуло.

Присев со страху, я быстро огляделась, но в кабине пока никого не было. Зато за белыми панелями кто-то громко охнул, что-то сердито пробормотал и затопал вдоль стены.

В голову запоздало пришло, что за вторжение на съемочную площадку и нахальный осмотр декораций могут и штраф впаять, а прихватить деньги в лес я как-то не догадалась. Еще не хватало, чтоб меня арестовали! Решать, что делать, нужно было быстро, и я юркнула в захлавленную гримерку, остервенело дергая заклинившую дверцу. Несколько драгоценных секунд понадобилось на то, чтобы понять, что из этого ничего не выйдет, и броситься в гору тряпок, зарываясь в них с головой.

Словно издеваясь, дверка с тихим шорохом затворилась сама, и в тот же миг кто-то вошел в кабину, бурча и постанывая. Голос был не слишком довольным: слов не разобрать, но судя по тону, его обладатель явно чему-то не рад. Лишь бы не моему наглому проникновению!

В шкафу пахло мылом, плесенью и луком, но было на удивление уютно. Даже свет был: узкая полоска непонятного материала, который мягко тлел, разгоняя темноту. Я пригрелась под тряпками и жалела только, что нельзя переодеться во что-нибудь сухое, не привлекая внимания шумной возней.

Тем временем снаружи кто-то прошел по кабине, на миг задержавшись возле шкафа (мое сердце пропустило удар), с кряхтением опустился на что-то скрипнувшее, защелкал тумблерами и запиликал кнопками, каждая из которых отзывалась мелодичным писком. Пока я пыталась понять, откуда в пустой кабине взялись тумблеры и кресло, где-то глубоко в недрах декоративного вертолета начало зарождаться мерное гудение. С каждой нажатой кнопкой оно крепчало, и вскоре пол шкафчика ощутимо завибрировал.

Черт возьми, если это аудиозапись, то она на редкость натуральная! Но не может же эта штука и впрямь сейчас взлететь? Я убедилась, что это всего лишь декорация, и к тому, что «вертолет» может оказаться настоящим, оказалась не готова. Придется теперь вылезать и сдаваться, пока не увезли за тридевять земель. Кто знает, откуда прилетела эта машинка? Может, с какой-нибудь сверхсекретной базы, где моему внезапному появлению совершенно не обрадуются. Явно же непростая техника – вон, даже кнопки в ней откуда ни возьмись появляются!

С сожалением выкарабкавшись из горы теплых тряпок, я присела на нее сверху, набираясь смелости. Всегда побаивалась говорить с незнакомыми людьми, а сейчас и вовсе покрылась холодным потом. Но идти надо. Так, сейчас встану и пойду! Вот прямо сейчас! Уже почти иду...

Отчаянные попытки собраться с духом как-то растянулись. Тем более, что вернулись трое «геологов» с поляны и затараторили, рассаживаясь по местам и щелкая какими-то застежками.

Удивляться еще трем креслам, из ниоткуда появившимся в недавно совсем пустой кабине, я уже не стала. Куда больше меня заботило то, что говорили они на совершенно незна-

комом языке. Это что, иностранные шпионы? Или вообще террористы! Вдруг они устанавливали в лесу взрывное устройство, а теперь спешат покинуть место преступления?!

«Решили устроить геноцид местных белок?» – усомнился внутренний голос.

Даже если нет, как с ними договариваться? Мы же друг друга вообще не поймем! Тут на родном-то не всегда слова правильно подбираешь! Речь была певучая, но абсолютно непонятная. Кажется, какой-то африканский диалект. Или французский? А вот эти отрывистые звуки больше похожи на немецкие... да что же это?! Ни одного знакомого слова, фразы, обрывка предложения! Точно шпионы. Но что они делали в лесу?

«Тестировали биооружие, – шепнуло сознание. – И ты теперь заразилась чем-то страшным».

По телу немедленно распространился нестерпимый зуд. Общее самочувствие тоже пугало: болело все, включая ресницы и прочие лишённые нервов части несчастного организма, ощутимо познабливало, а в довершение кошмара свербело в носу.

Со слезами выскочить из шкафа с воплем «где противоядие, мерзавцы» мне не дал взывший басом двигатель. Я успела только заткнуть уши, а в следующую секунду «вертолет» словно подпрыгнул и вдруг резко рванул вперед.

Я с размаху хлопнулась затылком в пол, отнюдь не по своей воле перейдя из сидячего положения в лежачее. Костюмы вместе со мной по инерции проскользили к краю шкафа и с силой впечатались в стену. Меня спасли замызганные тряпки: не попадись они под голову, одной шишкой я бы не отделалась. И так звезды из глаз посыпались!

Быть неучтенным пассажиром сверхзвукового истребителя – а теперь я почти не сомневалась, что это он – оказалось несладко. Меня придавило к месту так, что даже руку поднять было трудно. Какая-то пуговица впивалась в бок, как разъяренный крот, а перед глазами мелькали черные мушки. Продолжалось все это недолго, но впечатлений подарило массу.

Едва давление ослабло, как пол накренился, увлекая меня к противоположной стенке. Я чуть не свернула шею, хорошо хоть руки выставить успела. Все тряпки комом перелетели за мной, похоронив измученное тело под лавиной грязной одежды. Вешалка осталась на месте, удивительным образом выровнявшись вместе с потолком.

Я еще долго лежала, приходя в себя, прежде чем рискнула сесть, на всякий случай придерживаясь за стену дрожащей рукой. Теперь понятно, почему здесь такой бардак! Если они каждый раз так взлетают, удивительно, что тут вообще что-то уцелело!

Судя по ровному гулу двигателя, мы продолжали куда-то лететь, но тряска закончилась вместе с перегрузкой. Все это навевало заточенному на астрономию мозгу один навязчивый вывод: мы словно вышли за пределы атмосферы. Я бы даже поверила, если бы не знала, что такого просто не может быть. Мы не могли выйти в космос всего за пару минут – так не бывает! А если бы и было, перегрузка была бы намного, намного сильнее. У меня не было бы шансов пережить ее без скафандра и анатомического кресла, а ведь я даже не потеряла сознание!

Несмотря на разумные доводы, эта версия никак не желала покидать голову. Она прочно укоренилась где-то на подкорке и потихоньку сводила меня с ума, не желая отступать ни перед какими фактами.

Что теперь делать, тоже было непонятно. Даже если я сейчас выйду с повинной, вряд ли экипаж посадит истребитель ради меня. Еще вниз сбросят и хорошо, если парашют дадут... Нет уж, подождем с признаниями до приземления!

Съжившись на горе тряпок, я закрыла глаза и попыталась отрешиться от странных звуков, незнакомых запахов и мыслей о том, во что же меня угораздило встрять.

Лететь пришлось долго – пожалуй, несколько часов. Я раз триста успела передумать и решиться выйти, но каждый раз в последний момент находила повод остаться на месте. Приступы паники сменялись каким-то оцепенением и снова возвращались, чтобы замкнуть круг. В конце концов я почти успокоилась и даже чуть не задремала, когда сильный толчок подбросил

меня на месте. «Вертолет» трянуло, потом внизу что-то грохнуло, и гудение двигателя быстро пошло на спад. Дремоту с меня как ветром сдуло.

Похоже, мы прибыли.

Космический рейдер «Армада»

Пропустить прямой удар в живот – удовольствие так себе. Фок согнулся пополам, с трудом глотнув воздуха, и упал на колени, хрипло кашляя.

– Соберись, Фок! – Сергей досадливо развел руками. – Совсем не стараешься!

Он ухватил парня за руку, выставленную в защитном жесте, и рывком вздернул на ноги. Фок поспешно выставил блок, и Сергей тут же отвесил ему оплеуху по неприкрытой голове.

– Учишь тебя, учишь, а толку? Хватит трястись, нападай!

Затравленно оглядевшись, Фок попытался ударить, но, как всегда, был мгновенно скручен и снова опрокинут на пол.

Тренировки Сергей затеял не иначе, как от скуки. Рейдер «Армада» вот уже несколько оборотов торчал на орбите Протоглимеи, ожидая звонка с каким-то важным донесением. Экипаж недоумевал, почему капитану пришло в голову остановиться именно здесь. Протоглимея была одной из самых отсталых планет сектора. Местная цивилизация только начинала осваивать космический туризм, еще не подозревая о наличии жизни на других планетах. Соответственно, ни тебе космопричала, ни межгалактического рынка, ни «галадевочек». Даже грапиры³ выпить негде! Всего и развлечений – соорудить «козу» в иллюминатор, если мимо проползет ржавая ракета с очень удивленными протоглимейцами на борту. Но осуждать приказы своего капитана экипаж не смел, прекрасно зная: Сергей ничего не делает просто так.

Какой бы ни была причина затяжной стоянки, капитан маялся от скуки, как и все. Так что уже к концу первого оборота он окинул Фока внимательным взглядом. Обычно это не предвещало ничего хорошего, и парень моментально сжался, предчувствуя неприятности.

– Пора бы научить тебя драться, – будто между прочим заметил Сергей, поднимаясь. – А то прячешься по углам, как крыса.

На первой тренировке Сергей сломал ему ребро. Конечно, регенерационный модуль⁴ справился с этой задачей, но Фок все равно еще сутки держался за грудь, ощущая отголоски боли. Поблажек капитан не делал, тренировки стали регулярными, и в мешанине проводов и бионитей регмодуля Фок уже чувствовал себя как дома.

Рубка корабля не слишком подходила для учебного боя. Хотя размеры комнаты позволяли легко перемещаться по ней и ничего не задевать, она была слишком опасным местом, чтобы входить в боевой кураж. В центре располагался энеерпульт – сердце рейдера, неаккуратное падение на который могло натворить немало бед. Под ногами сытыми змеями вились два кабеля питания, о которые ничего не стоило запнуться. Но главной опасностью были гипадеры – крупные поджарые хищники с планеты Мариус, питомцы Сергея. Их вольтер занимал всю левую стену, и, зазевавшись, легко было угодить в когтистые лапы, просунутые сквозь прутья силовой ограды.

Фок вцепился Сергею в руку, надеясь застать врасплох, но тот вывернулся и сделал подсечку. Фок снова упал, для разнообразия ударившись не головой, а спиной, и понял, что его уже тошнит от бессмысленной болтанки туда-сюда. Скорей бы капитану надоела эта забава!

– Ну что с тобой? – Сергей уже привычным способом – за шиворот – привел его в вертикальное положение. – Совсем ерунду пропускаешь! По регмодулю скучаешь, что ли?

³ Грапира – алкогольный напиток, изготавливаемый из диолийского льна с добавлением специй. Не рекомендован к употреблению несовершеннолетним представителям разумных рас и небелковым формам жизни.

⁴ Регенерационный модуль – устройство, значительно ускоряющее естественную регенерацию организма. Перед настройкой цикла рекомендуется консультация компетентного врача, в противном случае возможны побочные действия: усиленный рост волос и/или ногтей, образование костных мозолей и рубцов, преждевременное старение кожи.

– Не скучаю я! – отчаянно выкрикнул Фок, прикрывая лицо руками.

– Так прекрати наконец подставляться! Людочка дерется лучше тебя! – Капитан небрежно махнул рукой на стоявшую неподалеку помощницу. Та ответила ему полным обожания взглядом, на миг оторвавшись от энерпульта. На самом деле помощницу звали Джамалудирой, но Сергею это имя казалось слишком длинным и трудным.

«Еще бы, ей-то вы ребра не ломали», – угрюмо подумал Фок и осторожно выглянул между пальцев.

– Да ты не бойся, – неожиданно смягчился Сергей. – Ты не бояться должен, а действовать, понимаешь? Страх мешает сосредоточиться. Думать нужно не о том, как тебе будет больно, а о том, как этого избежать.

– Я вообще ни о чем не успеваю подумать! – проворчал Фок. – Вы не могли бы избивать меня помедленнее?

Сергей коротко хохотнул и на миг повернулся к Людочке, лучась совершенно непонятной гордостью. Эта его особенность мгновенно переключаться из гнева в радость и наоборот раздражала Фока больше всего. Он провел на «Армаде» уже два года, но до сих пор не мог предугадать, что в следующий миг выкинет капитан.

– Это потому что ты просто стоишь и хнычешь, вместо того, чтобы защищаться. Смотри. – Сергей хлопнул его по плечу, призывая опустить руки, и продемонстрировал прием замедленно. – Чтобы отбить такую атаку, достаточно чуть отклониться в сторону, тогда рука противника пройдет мимо, а тебе подставится его спина. Попробуй ударить меня.

Фок честно попробовал. И еще раз, и еще. Гибкий и ловкий Сергей с легкостью уходил из-под удара, и в конце концов Фок сам запыхался от бесплодных попыток его достать. Так что, когда капитан споткнулся и на миг потерял равновесие, Фок расценил это как дар судьбы и остановился перевести дух. Гипадеры, возле которых они оказались, заматались в клетке, высматривая возможность сцапать Фока.

– Такое ощущение, что ты меня жалеешь, – прокомментировал Сергей, когда Фок обессилено оперся о колени, тяжело дыша. – Да брось, каждый на этом корабле мечтает хорошенько начистить мне морду! Окажись они на твоём месте, думаешь, стали бы мешкать?

– Вот и дрались бы с кем-нибудь из них, – шепотом предложил Фок, сам удивляясь собственной наглости.

Капитан снова улыбнулся и без предупреждения провел атаку. Фок понял, что не успевает уклониться от кулака, летящего ему прямо в нос, но в последнюю секунду Сергей остановился и за воротник придержал парня от падения на прутья клетки. Гипадеры разочарованно рывкнули. Фок скосил глаза на капитанскую руку и тупо заморгал.

– Звонок с Гронатеи! – громко объявила Джамалудира и, дождавшись, когда капитан выпрямится, приняла вызов.

В инфокне возник взмокший тип очень эффектной наружности. Кожа его была бледной до синевы, а волосы – болотно-зеленого цвета. Лицо, вернее, морда, будто начерченная циркулем, щерилась мелкими игольчатыми зубками. Но больше всего Фока поразила борода: такая окладистая и спутанная, что из нее можно было сделать три мочалки.

– Морф, наконец-то! Нашел? – Сергей нетерпеливо подбежал к энерпульту и вперился взглядом в экран.

Звонящий выдал замысловатую фразу, печатной в которой были только предлоги, и нехотя ответил, при этом не двигая пастью:

– Нашел! Только эти пеньки мшелые, по ходу, прознали, кто я такой. Вчера их расспрашивал, а сегодня уже приперлись миковские падлы...

– Кто?! – рывкнул Сергей так, что подпрыгнул не только Фок, но и Людочка.

– Да флиберийцы! – выплюнул Морф с такой ненавистью, будто флиберийцы обидели его родную бабушку. – Их корыто село в районе поиска, долбаные аборигены тут же вынесли

им фрагмент на блюдечке! Поняли, твари, зачем я пожаловал! А мне заливали, что знать не знают, где искать эту хрень!

– Так они и отдали его твоей бандитской роже, дубина! Просил же: осторожно разузнай, не спрашивай в лоб! Это разумная раса, а не звери в лесу! Думал, свалишься с неба и запросто вотрешься в доверие?

– Флиберийцы же как-то втерлись! Короче, забрали они фрагмент и в открытый космос свистнули, только я их и видел. Тю-тю денежки!

Сергей побарабанил пальцами по энеерпульту, о чем-то раздумывая.

– У тебя осталась запись?

– Ша сброшу, погоди. Гребаные щупальца...

Морф запыхтел, заляпывая экран синеватой слизью, сочившейся прямо из рук... точнее, щупалец. У Фока глаза на лоб полезли: откуда это чудо-юдо? Схожие конечности были у многих рас, но существо отличалось от них так же, как мыльный пузырь от гипадеры.

Прошло не меньше минуты, прежде чем на экране засветилась иконка. Сергей развернул дублирующее инфокно и бегло проглядел присланный файл, остановив запись на кадре, где был четко виден флиберийский шаттл.

– «Фибра», – прочел он надпись на борту и задумчиво потер бровь. – Людочка, свяжись-ка с нашим знакомым и попроси пробить информацию об этом корабле.

– Что ты задумал-то? – не вытерпел Морф, жадно подаваясь вперед.

Видимо, на кону действительно огромные деньги, раз капитан решил пойти против МИК, подумал Фок. Межгалактическая Исследовательская Корпорация обладала крупнейшим и сильнейшим флотом звездолетов и была воистину несокрушимым противником. Из-под ее конвейера вышли почти все современные корабли, в том числе и сама «Армада».

– Как ты смотришь на то, чтобы немного побыть миковской падлой, мой бородатый друг?

Морф непонимающе прищурился, но потом что-то сообразил, хмыкнул и криво усмехнулся.

Межгалактический линкор «Фибра»

Я прильнула ухом к дверке шкафа, пытаюсь понять, что происходит. Экипаж «вертолета», еще немного пошумев кнопками и защелками, дружно протопал на выход, оставив меня наедине с затухающим двигателем. Аэромашинка мирно жужжала нутром, с каждой секундой все тише и тише, пока не замолчала совсем. Воцарилась звенящая тишина, давившая на уши так, что хотелось проговаривать собственные мысли, лишь бы немного ее разогнать.

– Спокойно, Сашка, спокойно, – поддавшись порыву, шепнула я самой себе. – Все страшное уже позади. Надо только незаметно слинять отсюда, и все закончится. . .

«Все только началось», – тут же оживился внутренний голос, и я заподозрила, что он не на моей стороне.

Полетная передышка не улучшила самочувствия. Наоборот: то, что раньше не замечалось из-за усталости, теперь проявилось во всей красе. Прогулка по дождливому лесу не пошла впрок, меня лихорадило, побаливало горло и очень хотелось пить. Желудок тоже предал: издал горестный стон, после чего уже не затыкался, требуя немедленной кормежки. Прихваченные вечером чипсы давно растворились без следа, а нормальный ужин мы сегодня вообще пропустили. Я сглотнула голодную слюну и посмотрела на дверцу шкафа: ни замка, ни ручки. Как же ее теперь открыть?

Следующие пять минут прошли за тщательным облапыванием каждого сантиметра проклятой дверцы, а также полуметра стены по ее периметру. Никаких скрытых кнопок, рычагов или других механизмов не обнаружилось, а в зазор между стеной и дверцей не пролез бы и волос. Попытки вытолкнуть ее наружу тоже ничего не дали, она даже не прогнулась, успешно изображая монолитную стену. Умаявшись и вспотев, я стянула безрукавку и отшвырнула ее в угол. Упала та с подозрительным грохотом, но разбираться я не стала, осененная идеей: взгляд уперся в грязный ботинок, валявшийся у противоположной стены. Интересно, второй-то куда запропастился? Я взвесила обувь на руке: не слишком тяжелый, но подошва широкая и прочная. Если как следует вдарить по двери. . .

«Конечно, громи собственность сверхсекретных агентств! – ехидно поддержал внутренний голос. – В тюрьме тебе пригодятся навыки боя ногами».

– Заткнись, – шепнула я. – Не оставаться же тут на всю жизнь!

Частота разговоров с собственным разумом не на шутку меня тревожила.

С трудом сыскав второй ботинок, я обулась и оглядела кучу тряпья, надеясь найти в ней форму ночных исследователей. Если снаружи будет много людей, можно попробовать затеряться в толпе с помощью нехитрого маскарада. Но в груде вещей не нашлось ничего похожего на их комбинезоны; более того, вся одежда выглядела так странно, что скорее привлекла бы ко мне нежелательное внимание, чем закамуфлировала. Чего стоил только ядовито-зеленый плащ, богато расшитый мехом. . . лишайной крысы, которую перед смертью долго топтали ногами!

Плюнув на переодевание, тем более, что моя собственная одежда успела подсохнуть, я тщательно примерилась и, замахнувшись, насколько это было возможно в тесном шкафу, изо всех сил долбанула по двери. Вернее, попыталась, потому что вредная конструкция оперативно скользнула в сторону, уворачиваясь от ноги, а я с грохотом вывалилась из шкафа, чуть не усевшись на непредусмотренный физподготовкой шпагат.

– Варвар! – отчетливо прозвенел чей-то голос.

Я кое-как собрала ноги в кучку и огляделась, но в кабине никого не было. Дверь тоже выглядела вполне обыденно: ни динамика, ни тем более рта. Больше она ничего не говорила, но, похоже, температура у меня выше, чем думалось.

В кабине снова было пусто: ни намек на кресла или что-то еще. Куда же они все это убирают? На мое счастье, шлюз оказался открыт, так что возиться еще с одним выходом не пришлось. Стараясь двигаться как можно тише, я спустилась на нижнюю ступеньку трапа и осмотрелась.

Помещение, в котором запросто уместилась бы пара футбольных полей, было разделено на сектора световыми полосами, создававшими неяркое причудливое освещение. Некоторые ячейки пустовали, но в большинстве располагались разномастные «вертолеты», один другого страннее. Припаркованные на высоте трех-четырёх метров над полом, они напоминали стаю затейливых птиц на п-образных металлических площадках.

«Птички» были самые разные: здоровенные, формой похожие на буханку хлеба; вытянутые и обтекаемые, как пули; вооруженные апокалиптического вида пушками, явно военного назначения. Мой «вертолет» оказался одним из четырех точно таких же аппаратов. Все эти механизмы, напоминавшие выставку достижений высокотехнологичных концернов, вызывали у меня неприятное чувство под ложечкой и ощущение чего-то явно... неземного.

В ангаре никого не было, но передо мной возникла новая проблема: как спуститься вниз? Никакой лестницы не наблюдалось, а прыгать было страшно, хотя и возможно: ограждения у странной конструкции тоже не было. Неужели экипаж действительно каждый раз отсюда спрыгивает? Должен же здесь быть какой-то трап...

В животе забулькало еще усерднее. Я положила на него руку, чувствуя тошноту. Нет, любому оптимизму есть предел. Когда окажусь дома, сразу же возьму отпуск на три дня – нет, на неделю! – и буду отсыпаться и объедаться.

Воодушевленный этими мыслями желудок издал особенно громкий стон, а я наконец сообразила спуститься вниз по сегментированной опоре конструкции, цепляясь за металлические перекладки. Оказавшись внизу, на цыпочках побежала по ангару в поисках выхода. На глаза попало сразу два, причем в противоположных концах. Я основательно подвисла, ощущая себя богатырем подле межевого камня. «Налево пойдешь – женатым будешь, направо повернешь – богатство обретешь, а прямо – смерть твоя», – вспомнила я и решительно свернула направо.

Говорящих дверей тут не было, зато арка на выходе с такой силой обдула меня едко пахнущим ветром, что чуть не сбила с ног, а вся одежда моментально досохла и накрепко провоняла химичной хвоей.

Но мне уже было не до запаха.

Прямо на меня ползла улитка. Самая настоящая: склизкая, со спиральной клиновидной раковинкой и вытянутыми вперед антеннками. Я даже вспомнила название вида: гигантская ахатина. Память услужливо подсказала, что эти брюхоногие в хороших условиях вырастают до двадцати сантиметров в длину и их даже заводят в качестве домашних питомцев.

Условия, в которых вырастили данный экземпляр, заставили бы самую взыскательную королевскую особу удавиться от зависти: тварь была выше меня. При желании можно было проехать на ней, как на лошади, а чтобы потрогать усики, пришлось бы встать на мыски.

Вытаращив глаза, я застыла посреди прохода, позабыв о конспирации, хотя в этом помещении, в отличие от ангара, было полно народу. Ворох вопросов устроил полную анархию в моей голове. Улитка приветственно отсалютовала мне усом и проползла мимо, оставив влажный след на полу и неизгладимый – на моей психике. Я проглотила комок в горле и, с трудом подтянув грозящий отвалиться подбородок, отвела взгляд от диковинного создания.

Помещение было длиной метров двести, не меньше – оба конца терялись вдаль – а в ширину максимум тридцать. Одна из стен выглядела привычно, вертикально, а вторая плавно изгибалась, переходя в сводчатый потолок. Кроме того, на ней располагалось окно: всего одно, зато длиной почти во всю стену и высотой в три моих роста. Открывавшийся в нем вид заставил меня в панике схватиться за лоб. Какая у меня температура? За сорок, что ли?!

Мимо величественно проплывал Сатурн. Не какой-нибудь нарисованный, а самый что ни на есть натуральный Сатурн, причем на таком расстоянии, что отчетливо виднелись отдельные камешки в его кольцах. Собственно, вдоль колец мы и двигались, судя по всему, вращаясь вокруг этой гигантской планеты.

«На орбите Сатурна новый спутник нашли, – всплыл в памяти голос Зиночки. – Вот бы это не спутник был, а инопланетный корабль!»

Мне невыносимо захотелось закрыть глаза, досчитать до десяти и придумать этому всему разумное объяснение. Может, я просто сплю. Или это вовсе не окно, а очень реалистичный телевизор... Я тупо пялилась на прохожих, огибающих меня с поразительным спокойствием. Большинство из них были одеты в темно-синие комбинезоны, такие же, как были на лесных «шпионах». Некоторые щеголяли странными металлическими браслетами на полруки, другие – оттенком кожи от белого до зеленоватого в крапинку. Они собирались в небольшие очереди по два-три человека возле каких-то будочек неизвестного назначения. Некоторые переговаривались между собой, коротая ожидание, – ни одного понятного слова. Кое-кто даже приветливо кивал мне, удивляясь сковавшему меня столбняку.

– Eh! Tam i ert u pargei? – крикнул кто-то, не сказать, что грубо, но как-то очень требовательно.

И в моей голове будто что-то перещелкнулось. Я схватилась за стену, борясь с приступом паники. Господи, да это же корабль пришельцев! Настоящий! Не может быть, не может быть!

Кричали те самые близнецы из леса, только сейчас их уже было трое. Андрогинные лица не давали понять, какого они пола, а вкупе с абсолютной идентичностью навевали мысли о конвейерных куклах. Вышагивая синхронно, как бойцы на параде, они двинулись в мою сторону, и я окончательно утратила способность соображать. Стало до того жутко, что я завизжала, переполошив всех вокруг, и со всех ног бросилась бежать. Близнецы после короткой заминки припустили за мной.

Коридор был полон народу, это тормозило. Я шарахалась от каждого встречного, сама не зная, куда и зачем бегу. Все равно ведь поймут, разве можно спрятаться на космическом корабле?! Что они со мной тут сделают? Разберут на части ради экспериментов или просто выкинут в открытый космос?!

Откуда-то сбоку выскочили еще двое близнецов. Они их что тут, в пробирках выращивают? Или это те же самые? Я оглянулась на бегу, увидела, что клонированных инопланетян уже шестеро, и едва не проворонила маслянистый улиточный след на пути. Перепрыгнув его, по инерции немного проскользила по полу и хотела свернуть в первый попавшийся проход, но меня опередили.

Из бокового коридора вышел тот самый белобрысый «геолог», уткнувшийся в планшет, и я врезалась в него на полном ходу. Он отшатнулся, и от него вдруг пыхнуло настоящим, горячим и ярким пламенем, которое чудом не подожгло мне волосы.

Истерично всхлипнув, я отпрянула, наступила на улиточную слизь и, поскользнувшись на ней, с размаху грохнулась на спину, впечатавшись затылком в пол. Голова отозвалась усталой болью, мир стремительно потемнел, и последним, что я увидела, были страшные желтые глаза «ученого», похожие на горящую смолу.

Да-а, провалила я Первый контакт...

Сперва я очнулась в светлой комнате, полной непонятных гудящих приборов, лежа на кушетке, а может, на операционном столе. Кошмарный пришелец, покрытый мелкой чешуей, склонялся ко мне с пинцетом, хлопая отвратительными пленочками век. Его глаза не имели белка, двумя черными агатами сверкая на фоне белой чешуи. Я пробовала кричать и отби-

ваться, но меня быстро уgomонили, пшикнув чем-то в лицо, отчего мир снова погрузился в темноту.

Сейчас вокруг была тишина – видимо, перетащили в другое место. Было страшно открывать глаза: вдруг жуткий хирург все еще тут? Судя по нестерпимому зуду в области ключицы, он не отпустил меня с миром баиньки, а все-таки разрезал и... что-то вживил?

Зажмурившись еще плотнее, я подняла руку и осторожно провела пальцем там, где чесалось больше всего. Никаких порезов, швов и прочих уже воображенных ужасов не было, но слева явственно прощупывался какой-то бугорок.

Я зашмыгала носом, стараясь не реветь в голос. Похоже, падающая звезда неверно истолковала мое желание и вместо простенькой бактерии с легкой руки отвалила целый корабль инопланетян. Вот это размах, так размах! Жаль, нельзя все это счастье обратно сдать по гарантии!

Их вообще не должно быть! Весь мой опыт протестовал. В изученной Вселенной нет и не может быть таких сложных форм жизни! Как они сюда долетели?! Преодолеть миллиарды световых лет, чтобы помокнуть в земном лесу и похитить искусанную комарами лаборантку?! Извращенцы какие-то!

А мне-то что теперь делать? Куда бежать и как бороться? Это ведь даже не лес, это инопланетный корабль – ну не в космос же прыгать! Хотя, если выбирать между космосом и рабством у пришельцев...

«Нужна ты им! – фыркнул внутренний голос. – Через неделю обратно сдавать прибегут, на кой им рабыня, которая даже готовить не умеет?»

Ну, готовить, положим, я умею. Сосиски там сварить или пельмени – тут много ума не надо. Правда, единственная попытка испечь сырники закончилась порцией румяных угольков и утилизацией не подлежащей восстановлению сковородки, но я же не виновата, что зачиталась статьей о квантовых струнах и забыла о времени! В конце концов, пища духовная важнее каких-то там сырников, а голодный организм вполне устроили бутерброды. Но вряд ли злобные пришельцы будут дожидаться, пока я сбегаю в магазин за колбасой... Боже, о чем я думаю?

В любом случае вот так лежать, лить слезы и разговаривать с самой собой в ожидании инопланетян с ошейниками наперевес глупо, надо хотя бы осмотреться. Раз уж попала в такую передрагу, нужно выход искать, пожалеть себя можно и потом.

Наконец открыв глаза, я огляделась в поисках увесистой противопришельческой дубинки, но в комнате не было ничего, кроме кушетки, на которой и лежало мое брeнное тело. Стены, пол и потолок представляли собой единое белоснежное пространство, ярко освещенное несколькими полосами света, по контуру огибающими помещение. И никаких запахов, даже одеяло будто стерилизованное.

Я рискнула сесть и пощупала затылок: ничего, даже шишки нет. Наверное, пришельцы подлатали, только зачем? Небось боятся, что подохну раньше времени и сорву им эксперимент. Жаль, температуру не сбили, меня все так же знобило. Жалко им, что ли? Или анамнез простуды на моем примере решили изучить? Скосив глаза, я пытаюсь разглядеть, что за мерзость мне вживили, но она находилась в таком месте, что как ни выгибай шею – все равно не увидишь. Что же это за гадость? Инопланетная личинка? Чип подчинения? Бомба, взрывающаяся при попытке выйти из этой странной белой комнаты? Я покрылась испариной и всерьез прикинула, не вырвать ли эту дрянь ногтями, но тут часть стены с шорохом отъехала в сторону.

В комнату шагнул печально знакомый блондинчик, любитель демонстрировать пиротехнические фокусы при первой встрече. Я мигом взбодрилась и отбежала в дальний конец помещения, пока ему снова не взбрело в голову делать из меня хорошо прожаренную котлету. Правда, при ближайшем рассмотрении пришелец оказался вполне обычным парнем, без всяких там хвостов или рогов. Еще бы глаза нормального цвета – и вполне за человека бы сошел.

Он поднял руки в успокаивающем жесте, но я не поверила и забилась в угол. Ну их к черту, такие знакомства!

– Akharma, akharma, – проговорил «шпион» приятным спокойным голосом, несколько раз ткнул себя куда-то в основание шеи и выжидающе уставился на меня желтыми буркалами.

Впрочем, попыток приблизиться он не делал, так что я немного успокоилась и непонимающе прищурилась. От меня явно чего-то ждали, только вот чего – непонятно. Белобрысый снова демонстративно указал на ключицу. А-а, ясно. Похоже, нужно активировать штуку, которую мне вживили.

– Да щас! – выпалила я, пятясь еще дальше. – Чтобы мне мозги расплатило?

Парень замотал головой и начал что-то терпеливо объяснять. Еще бы знать, что именно. Погоди-ка...

– А ты меня что, понимаешь? – поразилась я.

Нет, ну правда! Какова вероятность того, что пришелец с далекой звезды говорит на твоём родном языке? Хотя, говорить он и не говорил. Зато утвердительно кивнул, снова показывая на вживленный предмет.

– Тогда скажи, что это! – попыталась достучаться я. Пришелец вел себя неагрессивно, что давало надежду все-таки договориться миром. – Пожалуйста! Я никому не скажу, что ты мне объяснил.

Инопланетянин горестно закатил глаза, призывая весь космос в свидетели моей непроходимой тупости. Покачал головой и двинулся вперед, явно намереваясь самостоятельно включить вождеденное устройство и заодно надавать мне по шее за отказ сотрудничать. Мой непоколебимый настрой сдулся на первом же шаге, а перед глазами будто наяву вспыхнула моя сгорающая заживо тушка.

– Не-не-не, стой! – взвизгнула я, хватая подушку с кушетки и щитом выставляя ее перед собой. – Не подходи! Сама включу! Стой там!

Он вздохнул, но все-таки остановился, что-то недовольно пробормотав себе под нос. Ему ответил взволнованный голос, который, кажется, исходил из широкого резного браслета, надетого на левую руку желтоглазого. Браслет был выполнен из материала цвета мокрого асфальта, похожего на магнит. Он состоял из двух резных половинок, между которыми время от времени проявлялось голубоватое свечение. Красивая безделушка. Но неужели голос доносился именно оттуда? Хотя, если у них тут двери разговаривают...

Проклятый инопланетянин выжидающе склонил голову и развел руками – ну чего, мол, тянешь-то? А я боролась с трясущимися ладонями. Вдруг этот бугорок под кожей навсегда поработит мою волю, парализует все тело, или случится что-то еще более кошмарное и необратимое? Но, похоже, пришелец не отвяжется, а я была готова сделать что угодно, лишь бы меня снова не положили на стол к тому жуткому хирургу. И не поджарили. И не... Ну, что тут еще с землянами делают?

Пришлось вздохнуть для храбрости и нажать. В ту же секунду заложило уши, а по языку будто разряд тока прошел. Но не успела я проститься со своим могучим интеллектом, как симптомы страшной кончины отступили.

– Наконец-то! – обрадовался блондинчик, по-хозяйски усаживаясь на кушетку и доставая планшет из кармана, так хитро замаскированного, что до сего момента я даже не подозревала о его наличии. Проводил взглядом медленно сползающую по стенке меня и радушно предложил: – Да ты садись, не бойся. Я тебя не съем.

– Предпочитаешь сперва п-прожарить? – с перепугу заикнулась я, не без опаски присаживаясь на край кушетки рядом с ним.

Он так беззлобно улыбнулся, что мне полегчало. Может, все не так уж страшно? Палить огнем он вроде не планирует и в кандалы заковывать не спешит.

– Только если ты снова неожиданно выпрыгнешь прямо передо мной. Почему ты отказывалась включить переводчик?

Переводчик, ну конечно! Так вот почему он меня понимал, а я его нет! Ничего себе техника у них... Голос пришельца не изменился, интонации остались прежними. Разве что легкое эхо, которое я едва различала, давало знать, что диалогу помогают высокие технологии. Да и то, только если сосредоточенно прислушиваться.

– Так я же не знала, что это! Вживили какую-то пакость и даже не объяснили зачем!

– А как объяснить, если ты не понимаешь? – прищурился он, не переставая что-то черпать на экране. Надеюсь, он там не портрет малюет – вряд ли из меня сейчас хорошая натурщица. Нет, просто какие-то квадратики. Интересно, это буквы или рисунки?

Пришлось одернуть себя: очнувшийся от испуга астробиолог внутри меня требовал информации, но кто знает, как представитель инопланетной цивилизации отнесется к неумемному земному любопытству. Надо бы сперва почву прощупать.

– Ну так сами бы включили, пока в себя не пришла, – осторожно предложила я.

– Не выйдет, нужен прямой контакт с мозгом носителя.

Он отложил планшет, а я снова заметила на его руках ту странную конструкцию. Металлические нити будто дублировали основные кости и суставы кисти.

– Айримир, – представился пришелец, протягивая мне руку, и я после некоторых колебаний все-таки рискнула ее пожать.

Ух и горячие они у него! Я аж вырвалась от неожиданности. И имечко, конечно, то еще. Попробуй запомни, а главное, выговори. А если неправильно назову?

– Александра, – мстительно назвалась я, хотя всегда предпочитала Сашу. Судя по спазмически дернувшейся брови Агримира, или как там его, ему тоже придется несладко. – Ты объяснишь, где я, или мне и дальше сходить с ума?

– На космическом линкоре, – пожал плечами парень, с таким спокойным видом, будто у них тут эти вопросы в порядке вещей.

Что ж, хоть не сжег на месте, и то спасибо.

– И что, это вся информация? В смысле, это мало что разъяснило...

– Лучше ты скажи, как тебя угораздило к нам попасть? – неожиданно перебил блондин, при этом так поморщившись, будто вообще не понимал, к чему все эти расспросы и зачем ему тут прилюдная землянка. Я от удивления даже об осторожности забыла.

– В смысле, как? Вы меня похитили!

Пришелец фыркнул и прошелся по мне высокомерным взглядом.

– Ничего подобного! Земляне давно изучены и никакого интереса не представляют.

Вот даже обидно стало, честное слово!

– Зачем вы тогда прилетали вообще?

– Точно не за тобой, – хмыкнул инопланетный нахал и малопонятно пояснил: – Изучали влияние ОТ-излучения на хвою. Так как ты здесь оказалась?

Пришлось рассказать, опуская компрометирующие подробности. Еще не хватало, чтобы пришельцы всем кораблем хихикали над моими злоключениями. Интересно, они действительно прилетали ради хвои, или он скрывает какое-то злодейство? Если это правда исследователи, то мне, можно сказать, повезло. Лишь бы эксперименты на мне ставить не начали.

– Говорил же капитану: надо установить на шаттлы сканеры! – досадливо поморщился пришелец по завершении рассказа. – Вечно кто-нибудь пролезет, а мне расхлебывать потом!

– Туда не сканеры, туда систему уничтожения ставить надо, – внезапно отозвался браслет на его руке. Это точно говорил он: сполохи голубого света между половинками загорались и гасли, как пики звуковых волн. – Ты вспомни, что было, когда влез когтезуб из системы Кριο! Чуть не сожрал, гад, еще и блох с него налезло на полкорабля!

– Тут сканер-то с боем вырывать приходится...

– Твой браслет говорит? – промямлила я, невежливо тыча пальцем в чудесное устройство.

– Не трогай! – истерично взвизгнул браслет. – Ты хоть представляешь, сколько на тебе микробов?!

– Не обращай внимания, – флегматично посоветовал блондин в ответ на мой обалделый взгляд. – Он просто не любит, когда к нему прикасаются чужие.

– Это браслет, – констатировала я очевидное, не столько пытаясь убедить в этом кого-то, сколько укладывая в собственной голове возможность существования говорящего украшения с хамоватым характером.

– Не браслет, а портативный интеллектуальный коммуникатор, – терпеливо поправили меня в два голоса. – Звать Кипом.

Я почесала затылок и решила, что удивляться буду потом, а пока есть вопрос поважнее.

– Амирмим...

– Айримир, – поправил Кип.

– Ариймин, – послушно исправилась я.

– Айримир, – не отстало вредное устройство.

– Нельзя это как-то сократить, а? – не выдержала я, чувствуя, как язык протестующе сворачивается в рулет. – Как тебя друзья называют?

– Не поверишь, но так и называют, – ухмыльнулся блондинчик.

Я секунду поразмышляла и предложила:

– Может, хотя бы Айрим?

Инопланетянин страдальчески поморщился, но промолчал, что я восприняла как согласие и моментально обрезала имени еще две буквы для полного удобства:

– Слушай, Рим, что со мной тут будут делать? Мне стоит опасаться, что ты отрежешь мне голову и пришьешь ее к собачьему телу, или чего-то в этом духе?

– Что ты! Головы – это прошлое поколение, – с озорным огоньком в глазах протянул Рим. – Будущее за червями-паразитами. Знаешь, те милые твари, что прогрызают себе путь наружу...

– Ты что, смотрел земные фильмы? – перебила я сконфуженно.

– Нет, но кино других отсталых миров видел. Оно везде примерно одинаковое.

На нелестную характеристику родной планеты я решила обидеться попозже.

– Тогда чем вы вообще тут занимаетесь?

– В двух словах не объяснишь... – Он потер лоб, мельком глянул на планшет, поморщился и предложил: – Давай я закончу отчет по высадке и потом проведу тебе экскурсию? Как раз и расскажу все по ходу дела.

У меня аж дух перехватило. Экскурсию! По настоящему инопланетному кораблю!

– А это можно?

– Почему нет? Не держать же тебя вечно в каюте! – так искренне удивился Рим, что я как-то сразу ему поверила. Действительно, почему нет? Подумаешь, оплот инопланетных технологий! Похоже, для них тут прибившиеся к борту любопытные землянки чуть ли не ежедневная рутина. – Кстати, я чего пришел-то...

Он встал и протянул руку к стене, часть которой тут же почернела и слегка выдвинулась вперед, образовав глянцевый экран размером метр на метр. Экран расчертился полосатыми квадратиками. Я подтянула отвисшую челюсть – хватит позориться, Саша! Без пяти минут астробиолог, а тарачишься, как доярка на адронный коллайдер!

– Переводчик работает со звуком, текст он тебе не переведет, так что смотри и запоминай. – Рим ткнул в правый верхний квадратик. – Вот это – меню. Три верхних строчки не трогай, там специфические блюда для негуманоидных форм жизни, ты их все равно не сможешь есть...

При слове «блюда» мой желудок издал такой протяжный, полный скорби стон, что Рим оторопело огляделся, заставив меня возжелать провалиться сквозь землю.

– А здесь управление каютой, можно открывать и закрывать дверки, столик там выдвигать, шторы поднимать...

– Меня в открытый космос не высосет, если не то нажму?

Первое, чему учат стажера в лаборатории – не тыкать в незнакомые кнопки. Неосторожное обращение с высокоточными приборами чревато каторгой повторной настройки, а то и поломкой дорогостоящего оборудования, и за годы работы этот навык намертво впаялся в мой мозг. Правда, в своей лаборатории я давно изучила каждую лампочку, но как быть здесь? Ведь эти кнопки даже не подписаны!

– Не бойся, в каютах урезанный доступ к корабельным системам, ничего страшного ты все равно не натворишь. В крайнем случае – беги. – Он подмигнул, но пояснять, шутка это, или мне всерьез предлагается улепетывать от космических опасностей, не стал. – Я включу тебе озвучку, но не слишком доверяй переводу. Транслятор заточен на живые мозги, а тут система.

– Но твой браслет тоже система.

– Сама такая! – огрызнулся Кип. – Ты меня еще с инфокном сравни!

Я украдкой показала ему язык. Интересно, он меня вообще видит или только слышит? Рим мою гримасу все-таки заметил, кашлянул, скрывая смех, и потыкал в цветные квадратики, включая озвучку.

– Главный экран, – ответственно прокомментировала умная табличка. – Выберите действие.

– О, спасибо, так гораздо лучше! – возликовала я, с интересом привставая и тут же снова опускаясь из-за головокружения. – А лекарства в этой штуке есть?

– У тебя что-то болит? Венитор же тебя осматривал...

– Так и знал, что она заразная! – взвизгнул Кип. – Говорил же, надо прогнать через стерилизатор, а вы «безопасно, безопасно»! Теперь перезаражаемся все земными бактериями!

– Тебе-то чего бояться? Это же не компьютерные вирусы.

– Компьютерные вирусы эволюционировали от биологических! – так убежденно парировал коммуникатор, что я почти поверила. – Айримир, зови врача, пока нас всех в могилу не утанули!

– Не надо врача! – взмолилась я, вспоминая жуткого здешнего доктора и чувствуя, как волосы встают дыбом. – И лечить меня не надо, все само пройдет. Мне уже лучше, правда!

Рим мягко улыбнулся.

– Не нужно его бояться, Венитор совершенно безобиден.

– Я и не боюсь, – буркнула я, но, кажется, никого не убедила. Рим тактично промолчал, а Кип презрительно фыркнул. – Слушай, мне бы просто что-нибудь от простуды. Тебе с твоими огоньками вопрос, наверное, покажется странным, но есть у вас что-нибудь жаропонижающее?

Рим неуверенно хмыкнул, но все-таки вытащил из появившегося в черной панели отверстия стакан и капсулу, которая тут же зашипела, растворяясь в воде.

– Вообще-то оно должно быть горячим, – заметила я, забирая лекарство.

– Зачем? Ты же хочешь сбить температуру, а не поднять.

– Так простуда же, чтобы горло согреть...

Рим пожал плечами, окончательно запутавшись в перипетиях земной логики. Протянул руку, всего на пару секунд прикоснувшись к стаканчику, и от воды моментально пошел пар, а я взвизгнула и чуть его не выронила.

– Как ты это делаешь?!

– Потом расскажу, – загадочно подмигнул пришелец и оставил меня наедине с высокотехнологичной каютой.

Я выпила лекарство, думая, чего хочется больше: поесть, поспать или просто жать на все кнопки подряд и смотреть, что будет. Победило желание отлучиться по нужде, только вот каюта, кажется, не располагала такими удобствами. Хотя кто знает, что и где здесь еще выдвигать...

гается и открывается? Выходить в коридор и искать уборную, рискуя столкнуться с пришельцами или зайти куда-нибудь не туда, мне совершенно не хотелось. И вообще, это же космический корабль, а не общежитие, и, судя по тому, что я уже видела, огромный! Экипаж должен быть соответствующий, не могут же они все стоять в очереди к единственному умывальнику по утрам!

Инопланетная письменность напоминала тетрадь в клеточку, каждый квадратик которой был разрисован черточками разной длины и наклона. Сама, бывало, на скучных лекциях расчерчивала поля похожими рисунками. Беда в том, что установить, под какой из этих черточек может скрываться слово «туалет» не представлялось возможным.

– Освещение и атмосфера, – радостно прокомментировала электронная панель и распахнула еще одно окно с квадратиками. – Выберите действие.

Я отдернула палец. Она мне, часом, воздух из каюты не откачает? Или еще газ какой-нибудь пустит, создавая заданную «атмосферу». Что там говорил Рим? «В крайнем случае – беги». Не очень-то обнадеживающе. Задержав дыхание, я робко ткнула наугад в один из квадратиков, надеясь, что это выход из меню. Позади что-то зажужжало, но драпать на предельно допустимой скорости не пришлось: это оказалась шторка, которая медленно поднялась, складываясь в компактный рулончик над иллюминатором. Окно было от пола до потолка, и я даже забыла о своих нуждах, замороженная открывшимся видом.

Сатурна там уже не было, как и любых других планет. Только черная, непроглядная тьма с мерцающими точками звезд – как ночное небо в ясную зимнюю ночь. И ни одного знакомого созвездия. Вид одновременно гипнотизировал и навевал тоску: далеко же меня занесло на сей раз...

Вздыхнув, я вернулась к панели управления. Нинель часто твердила, что проблемы нужно решать по мере их поступления. Так что сперва разберемся с текущими трудностями, а потом будем думать, как вернуться домой.

– Смотрю, ты уже освоилась... – Рим обошел выдвинутой столик, заваленный предметами, по ошибке извлеченными из панели управления.

За время его отсутствия каюта претерпела значительные изменения. Я нашла меню обстановки и потратила полчаса, чтобы заполнить пустую комнату хоть какой-то мебелью. Инопланетяне, может, и привыкли жить в четырех белых стенах, а лично мне минимализм помещения напоминал притчу об утонувшей в молоке мыши. Теперь у меня было кресло (не настоящее, а голографическое, но держало оно отлично – видимо, в момент посадки в нем создавалось какое-то силовое поле), столик (выдвинувшийся из стены прямо перед дверью и загораживавший проход), подвесной гамак напротив иллюминатора (на удивление удобный, хоть и здорово меня напугавший: когда прямо в потолке открылась ниша с креплениями и оттуда вывалилось что-то паутинообразное, меня чуть удар не хватил), а также ответ на вопрос, откуда в пустой кабине «вертолета» появлялись разные предметы.

Уборная тоже нашлась: оказалось, стены каюты скрывают не только ее, но и небольшой шкафчик, полный ниш и креплений разных форм и размеров. В санузле была душевая кабинка, которая мало того, что включилась сама собой, так еще самостоятельно настроила оптимальную температуру воды и выдала полотенце, шампунь и комплект для чистки зубов. Я обзавидовалась: у меня дома воду приходится настраивать добрых десять минут, а потом еще надеяться, что никто из соседей по стояку не откроет кран во время водных процедур, иначе тепленький душик сменится адским кипятком.

Также я успела оценить инопланетную кухню, разочаровавшую своей обыденностью, и пообещать себе попозже заказать что-нибудь из упомянутых Римом трех пунктов, чтоб хоть поглазеть на необычную пищу. Наконец-то поужинав, я почувствовала себя значительно лучше

и поняла, что сон как-то сам собой прошел. Должно быть, успела выспаться, пока была без сознания.

Умная панелька ответственно озвучивала все нажатые кнопки, но это давало лишь общее представление о том, куда меня занесло. Нажимать приходилось наобум, и пару раз я оказывалась в таких дебрях, что появлялось желание выдернуть штекер питания, как у зависшего компьютера, и начать заново. Скорее всего, я так и поступила бы, если б сумела отыскать этот штекер.

– Зачем тебе все это? – Рим огляделся по сторонам с видом врача психиатрической клиники, пациент которого построил крепость из диванных подушек и вывесил над ней флаг из смирительной рубашки.

Я подняла голову от книги, которую листала, болтая ногами от избытка удовольствия. Не знаю, откуда на космических кораблях книжки с картинками, но одна из них выскочила из панели управления при попытках наткнуть чистую одежду, и оторваться от нее было выше моих сил. Напечатана она была не на бумаге, а на тоненьких листочках из неведомого материала. Я предположила бы, что это тоже голограмма, если бы листы не были осязаемыми: на ощупь инопланетная книжка была, как органза.

Наивно-яркими красками там был нарисован человек, похожий на Рима, с такими же белыми волосами, смуглой кожей и ястребиными глазами. На фигурке подробно изображалось металлическое устройство, напоминающее выведенный на поверхность кожи скелет. Видимо, это очень нужное инопланетянам приспособление, раз Рим носит его, не снимая.

– Незачем, – пожалала я плечами. – Большую часть вытащила, пока искала меню с одеждой.

Одежда, кстати, нашлась, и даже вполне человеческая. Мои собственные брюки и футболку хотелось выкинуть в открытый космос. Правда, я что-то напутала и пришлось довольствоваться мужскими джинсами, майкой и толстовкой, но это было лучше, чем ничего. Зато все сухое, чистое и даже без отверстий для хвоста.

Вообще, если картинки не ввали, инопланетяне оказались похожи на землян как минимум в физическом плане, так что я быстро успокоилась и выпустила наружу зашуганную часть личности, ответственную за тягу к знаниям. Ничего, прорвемся! Убивать меня пока не собираются, продавать в рабство каким-нибудь жутким спрутам – тоже. Может, вообще домой отвезут? Зачем им землянка, они же нас уже изучили! А пока можно немного разузнать о них самих. Это же такой опыт, коллеги обзавидуются! Главное, чтобы психиатрический диспансер мною не заинтересовался.

Рим запросто присел на кушетку рядом со мной. От него повеяло жаром, как от печки.

– Изучаешь экзоскелеты?

– О, так это экзоскелет? У нас они совсем другие, на броню похожи. – Я с интересом покосилась на металлические нити у него на руке. Вопросов у меня было миллиона два, и их количество продолжало расти, как снежный ком, пущенный с горки. – Он тебе зачем?

– Чтобы контролировать температуру тела.

– Так это из-за этой штуки ты так нагреваешься?

– Нет, – усмехнулся парень. – Из-за этой штуки я такой холодный.

Холодный? Да за его руки любое ЖКХ удавится: это же всю зиму можно не топить, клади рядом и грейся!

– Так ведь экзоскелеты для силы нужны вроде... Или для выносливости. При чем тут температура?

– Ты явно путаешь с этим какое-то земное изобретение. Возможно, переводчик не сумел подобрать нужный термин. Сейчас... – Рим нащупал у себя переводчик, коротко его вдавил и выдал что-то совершенно непроизносимое и неповторимое. Я попробовала воспроизвести это вслед за ним и осознала, что лучше приму все как есть, чем буду ломать язык настоящим названием экзоскелета.

– Ну и словечко, слушай! Как это у тебя зубы не раскрошились после такого?
– Понял, давай по порядку, – засмеялся Рим, снова переключаясь на человеческий. – Хочешь осмотреть корабль?
– Да-а! – Я вскочила на ноги, демонстрируя желание идти на увлекательную экскурсию как можно скорее и даже припрыгивая от нетерпения. Инопланетная таблеточка легко расплавилась с простудой, присовокупив заряд бодрости и готовности к чему-то необыкновенному.
– Ты б ее в медсканер загнал для начала, вдруг у нее вши, – угрюмо посоветовал Кип, слегка подпортив мне настроение.

– «Фибра» – научно-исследовательский линкор, выпущенный флиберийским филиалом Межгалактической Исследовательской Корпорации. Флиберия – это моя родная планета, – четко, будто по заученному, пояснял Рим, уверенно вышагивая по лабиринту узких коридорчиков, в которых без сопровождающего я заблудилась бы на счет раз. – Мы ведем поиск населенных планет, исследуем их обитателей и отправляем данные о них в центры изучения МИК. Я прибавила шагу, подавляя желание схватиться за его руку, как маленький ребенок.
– На корабле три основных отсека: грузовой, жилой и рабочий. В грузовом ты уже была, там ангар и связные палубы. Это самый нижний этаж, во всяком случае, когда корабль стоит на планете...

– Рим, погоди, я не успеваю! – взмолилась я, чувствуя, как от быстрой ходьбы начинает сбиваться дыхание. – Не могу усваивать информацию, когда приходится так бегать!

Он послушно притормозил, и я почувствовала себя покорителем инопланетян.

– Куда мы сейчас идем?

– На мостовую палубу, тебе там должно понравиться.

– Почему?

– А всем нравится, – пожал плечами Рим. – Ее конструировали с расчетом на торжественные приемы делегаций с других планет и кораблей. Пока никто не жаловался.

Коридоры петляли, как ходы в муравейнике, и казались бесконечными.

– Зачем вам такие запутанные переходы? – озвучила я свои мысли. – Нельзя было построить один большой холл вместо этого лабиринта?

– Каждая из кают подключена к сложной системе обеспечения. Если бы тут было одно помещение, оно все равно оказалось бы утыкано аппаратурой. А так модули систем доставки, климатическое оборудование, канализация – все скрыто за этими стенами. – Рим легонько постучал по пластику. Звук вышел гулким, как будто это была не стена, а крышка гигантской бочки.

Инопланетное чувство прекрасного, заставившее их понастроить тьму коридоров, чтобы скрыть от глаз канализационные трубы, меня не на шутку озадачило. Уж лучше пройти напрямик, даже если придется минутку посмотреть на что-то не слишком эстетичное! Белые стены и холодное, голубоватого оттенка, освещение навевали мысли о зимних метелях, убивая уют в зародыше. Не хватало только завывания ветра за окном, но его с успехом заменяло невнятное гудение в недрах корабля. Я прислушалась, но так и не поняла, откуда оно доносилось: из-за стен, или это отголоски работы межзвездного двигателя.

За очередным поворотом оказался тупик. На полу, как чернильная клякса на снегу, выделялась иссиня-черная круговая платформа, подсвеченная по контуру уже привычной световой полосой. Рим встал в центр круга и пояснил:

– Подпрыгиваешь и оказываешься наверху. Постарайся не слишком кричать. – Он сделал крохотный прыжок и мгновенно улетел куда-то вверх.

На потолке обнаружилась труба, похожая на шахту лифта. Она была темной и заканчивалась так далеко, что выхода видно не было. А может, просто изгибалась – не разобрать. Темный

круг не имел пола: в центре механизма, по-видимому, располагалась еще одна труба, ведущая с нижних этажей. И на чем тут прыгать, на воздухе, что ли?

Я с опаской взгромоздилась на ободок платформы, растопырив ноги над отверстием и чувствуя себя колченогой гимнасткой. Подпрыгнула, стараясь при этом не сверзиться в зияющую пропасть по центру, и... осталась на месте.

– Не мог меня подождать?! – в голос возмутилась я, проклиная своего проводника, в прямом смысле слова улетевшего в трубу. Надеюсь, ему оттуда не видно, как я корячусь. Кстати, почему он-то не устраивал акробатических номеров?

Наклонившись, я потрогала пустоту рукой. Догадка оказалась верна: воздух сгустился у самого пола, и ладонь встретила сопротивление. Похоже, эта труба устроена по тому же принципу, что и голографическое кресло в моей каюте: в нужный момент генерируются силовые поля, способные выдержать вес человека, а потом отключаются, чтобы сквозь них можно было пролететь.

Вставать на какие-то там гипотетические поля было страшно, а прыгать на них и того хуже. Я осторожно наступила на центр отверстия и хотела собраться с духом, но тут же почувствовала, что поле медленно прогибается под моим весом, как затягивающая путника трясина. Мигом взбодрившись, я поспешила подпрыгнуть и со свистом и визгом вознеслась вверх. Восхитительное воспарение длилось меньше секунды, но подарило массу впечатлений, которые вовек не забыть.

– Шестьдесят пять секунд, – услышала я голос Кипа и отважилась открыть глаза.

– Новый рекорд, – подтвердил Рим и, поймав мой пока еще вопросительный, но уже начинающий звереть взгляд, объяснил: – Мы поспорили, сколько времени тебе понадобится, чтобы решиться на прыжок.

– Айримир ставил на три минуты, – сдал напарника Кип.

– Хорошего же вы обо мне мнения, – прорычала я.

Рим бессовестно расхохотался, а я наконец огляделась.

Это было странное и удивительное место. Мы оказались на гигантском овальном балконе, похожем на те, что бывают в крупных торговых центрах, только здесь между противоположными сторонами был протянут прозрачный подвесной мост, а внизу...

Я протерла глаза и свесилась с перил так, что Риму пришлось придержать меня за капюшон толстовки. Под балконом, так близко, что, казалось, можно протянуть руку и коснуться, важно вышагивал самый настоящий тираннозавр. Охнув, я пробежала по балкону до начала прозрачного моста и выскочила на него, не позаботившись даже сперва проверить на прочность. Внизу был не один вольер, а добрый десяток, причем в каждом находилось какое-нибудь чудовище. На первый взгляд ограды не было, но потом выявилась легкая рябь. Видимо, вольеры огорожены все теми же силовыми полями. В ходу здесь эта технология, как посмотрю.

В дальнем конце инопланетного зоопарка проглядывалась стоящая столбом вода. Вернее, аквариум, но с таким прозрачным и чистым ограждением, что создавалась иллюзия кусочка океана, вырезанного и помещенного сюда неведомыми силами. Подсветки там не было, но темный силуэт, мелькавший в толще воды, говорил сам за себя: гигантская рыбина, чьим домом был этот шедевр аквариумистики, вполне могла пообедать тираннозавром и съесть вон того бегемотоподобного монстрика на десерт.

На мостовой палубе было прохладнее, чем в жилом отсеке, и приятно пахло свежими листьями. Я с трудом оторвала взгляд от невероятных зверей, втянула воздух носом, пытаюсь вычислить источник запаха, и только потом заметила, что тут полно растений. Они рядами располагались вдоль стен балкона, прерываясь только там, где, предположительно, были двери в рабочие отделы. Большая часть была привычна: зеленое разнотравье или широкие резные листья. Но самые странные растения оказались у меня под ногами.

Вольеры с инопланетными монстрами на нижнем ярусе мостовой палубы располагались овалом, повторяя контур балкона, который, очевидно, служил им крышей, а на свободном пятачке в центре, прямо под мостом, была целая оранжерея. Я устала на нее сквозь прозрачный мостик, пытаюсь разглядеть буйство инопланетной флоры. Какие же условия должны быть на планете, чтобы там выросли такие деревья? Веточки на них закручивались спиралью, как у земного вьюнка, но по чему может виться целое дерево?

Конструкторы «Фибрры» не обошли вниманием даже потолок. Он представлял собой затемненный купол из полупрозрачного материала, сквозь который просвечивали далекие звезды. Кое-где он складывался в странную мозаику, отдаленно напоминающую солнечные батареи. Впрочем, почему бы и нет? «Фибрра» вполне могла использовать бесплатную энергию звезд, мимо которых летала, для подзарядки чего-нибудь нужного. Тех же световых полос, к примеру, вон их здесь сколько: по периметру потолка, на мосту, у дверей, на балконе и даже в вольерах. Все вместе полосы создавали уютное, почти солнечное освещение на всей палубе.

Теперь понятно, почему Рим счел это заслуживающим внимания. На месте экипажа «Фибрры» я бы вообще тут поселилась.

– Это потрясающе! – прошептала я Риму, снова свешиваясь вниз. – А если пропадут силовые поля и все эти монстры вырвутся на волю?

– Это не поля, – снисходительно пояснил он. – Это вакуумная ограда. Устройство механическое, от сбоев в работе оборудования не зависит. Видишь полосы на полу? Между ними создается искусственный вакуум.

– И что?

Рим посмотрел на меня так, будто я спросила, почему трава зеленая. Я смущенно кашлянула: сходу понять неведомое устройство не помогало даже профильное образование. Но расспрашивать и дальше было стыдно, чтобы ненароком не подтвердить невысокое мнение Рима о разумности землян. Потом найду способ узнать все, что захочется.

По балкону сновали люди – или не люди, это как посмотреть. Они переходили из одной двери в другую, сбивались в совещательные кучки, куда-то целенаправленно шли. Кто-то нес неподъемные с виду приборы, другие что-то черкали в планшетах. Милая пухлая дама руганью отгоняла приземистого робота от цветочного горшка, в котором с упоением ковырялась. Робот пытался замести высыпавшуюся землю, а женщина всячески этому препятствовала, ногой отпихивая несчастного уборщика. Прическа у нее была просто невообразимая: коса, заплетенная так, что напоминала венок из цветов, украшенная лентами и утыканная бусинками-соцветиями и заколками-листьями.

– Мелисса Вербская, – сказал Рим, проследив мой взгляд. – Корабельный ботаник.

Робот тревожно пискнул. Растение, кое он имел несчастье зацепить совочком, ожило и в мгновение ока обвилось вокруг незадачливого уборщика, сковав того по манипуляторам и гусеницам. Побегу инопланетного цветочка напоминали шупальца осьминога, только все покрытые колючками. Они впивались в бедолагу, с легкостью вспарывая иглами металл обшивки. Мелисса с гневной отповедью принялась отдиравать жуткую флору от жалостливо пищущего уборщика.

– Это растение-гибрид с планеты Туранга-8, – пояснил Рим.

– Ты тоже ботаник? В растениях разбираешься...

– Нет, просто это я его сюда привез. Мелисса чуть не задушила на радостях: это большая редкость. Туранга-8 – единственный мир, где новые виды появляются каждый день. Можно изучать до бесконечности.

– Кем же ты работаешь?

– Руковожу группой высадки, собираю материал для изучения. – Рим двинулся дальше по прозрачному мосту, а я не без сожаления оторвала взгляд от разборок ботаника с роботом и

последовала за ним. – «Фибрра» слишком велика для частых посадок на поверхности планет, так что мы используем мобильные шаттлы.

– И вы похищаете жителей разных планет?

– Не похищаем, а берем на борт, и только самых малоизученных. Хотя чаще высадка носит исследовательский характер: мы собираем информацию о месте посадки, сканируем почву и растения, вносим данные в картотеки. Иногда попадают миссии по изучению местной культуры и быта, каких-нибудь необычных явлений, уникальных ландшафтов. Но брать на борт представителей условно-разумных цивилизаций нельзя, только животных. Так что похищать тебя, поверь, никто не собирался.

– То есть я, по-твоему, условно-разумная?

– Ты пробралась на космический шаттл, чтобы погреться. Я бы даже сказал, что ты условно неразумная.

Я надулась, но вокруг было столько необычного, что обида быстро стерлась новыми впечатлениями. Рим снова начал рассказывать, а слушать его было куда интереснее, чем демонстративно молчать.

– Мостовая палуба – сердце корабля. Помимо девяти рабочих отделов, тут расположен командный модуль. Туда-то нам и надо.

– Зачем?

Все-таки странные эти пришельцы, все у них не как у людей. У нас чужаков маринуют в холлах и приемных, а Рим мало того, что экскурсию устроил, так еще в святая святых хочет провести.

– С капитаном повидаться, – как ни в чем не бывало ответил Рим. – Ему докладывают обо всех неучтенных пассажирах.

– Он разве не в курсе? Я ведь тут не первый час.

– В курсе, но... – Рим заметно смутился. – В общем, он хочет услышать это лично от меня.

– Тебе влетит за безбилетника, да?

Рим бодро фыркнул, но что-то подсказало: этот вопрос терзает его куда больше, чем он хочет показать.

– Это он зажал сканеры, вот пусть теперь перед МИК и отчитывается.

Странные у него отношения с начальством.

Мы пересекли палубу по прозрачному мостику и снова вышли на балкон. Я чуть не вывихнула шею, с любопытством вертя головой, и даже сквозь толпу инопланетян заметила атлетически сложенного мужчину, уверенно шагающего в нашу сторону. На нем была такая же форма, как у остального экипажа, только контрастный треугольник на шее побольше. Мужчина был таким же снежным блондином, как Рим, и тоже носил экзоскелет. Мне как-то сразу стало ясно, что это и есть капитан. Веяло от него чем-то таким... повелительным. Я бы впечатлилась еще больше, не будь у него в руках двух ярких бутылок лимонада «Буратино».

Капитан поймал мой взгляд, едва не споткнулся и только потом заметил Рима.

– Айримир! – гаркнул он так, что обернулся не только вышеупомянутый, но и все остальные. – Попался! А ну, иди сюда!

Рим от этого окрика втянул голову в плечи, но тут же выпрямился и пошел навстречу, кивком приглашая меня за собой. При ближайшем рассмотрении капитан оказался практически одного роста с ним, зато куда массивнее.

– Ты времени зря не терял. – Рим красноречиво оглядел лимонад.

– Классно, правда? – Капитан не сдержал довольной улыбки. – Сто поколений за ним гоняюсь.

Я тупо уставилась на газировку, пытаюсь сопоставить в голове образ грозного космического капитана и земной лимонад.

– Знакомься – Александра. Земная высадка. – Рим с вызовом скрестил руки на груди.

На моем имени переводчик споткнулся и выдал жуткий акцент, которому я так и не смогла придумать определения.

– Леотимир, – самостоятельно представился капитан, на миг осияв меня янтарными глазами, и тут же повернулся к Риму, с таким видом, будто ждал этого весь день: – Опять?!

– Я говорил, что мне нужны сканеры!

– Тебе нужно закрывать шлюз!

– Чтобы ломиться в закрытый шаттл в случае опасности?

– Что может быть опасного на Земле?!

Они громко заспорили, и на нас снова начали оглядываться. Лимонад осуждающе побулькивал. Я чувствовала себя не в своей тарелке.

– Wariek! – вдруг заорали откуда-то сбоку, и к нам на всех парах припустил тощий сутулый паренек в голографических очках и с планшетом наперевес. Его темные волосы выглядели так, будто из них регулярно вырывали ключья, а на лбу и щеках четко выделялись темные пигментные пятна, издали очень похожие на шкуру гиены. Он так разогнался, что едва успел затормозить перед нашей пестрой компанией. – Wi kri uesk la barriva...

Мы втроем уставились на него с одинаковым недоумением. Парень смутился и попробовал снова:

– Ma rei ulla ti prava...

– Всегалактический, – подсказал Леотимир, меланхолично почесывая щеку о крышечку бутылки.

Паренек осоловело хлопнул третьими веками и затараторил:

– Капитан, мне срочно нужен доступ к записям гронатейской высадки! Ключ к расшифровке того диалекта, я вам в прошлый раз рассказывал...

– Кто это такой? – шепотом спросила я Рима, пока парень удачно отвлекал на себя внимание капитана.

– Финик, ксенолингвист. Отдел коммуникаций, они переводчиками и ретрансляторами занимаются. Он семьсот языков знает, представляешь? Правда, вечно их путает...

Я попыталась представить, каково это – удерживать в голове семь сотен языков, и прониклась к Финику неподдельным уважением.

Пока капитан выслушивал доклад лингвиста, а Рим выжидающе топтался рядом, я жадно разглядывала прочих обитателей корабля и делала для себя отметки о вопросах, ответы на которые хотелось бы получить.

За пару минут я успела насчитать не меньше десятка печально знакомых клонов-близнецов, которые слонялись по балкону без видимых дел. Откуда только их берут в таком количестве? Загадка их типовой внешности терзала меня все больше. Кто же они? Киборги? Андроиды? Клоны-охранники? Ишь, как четко ходят, будто в бассейне с синхронистками скопировали!

Потом взгляд зацепился за другую парочку. Бледный мужчина с азиатским разрезом глаз, невысокий, но крепкий, держал в руках нечто, напоминающее спутниковую тарелку, а точнее – спутниковый поднос. Вокруг этого устройства скакала девушка с легкомысленными косыми хвостиками, такая крохотная, что ее макушка едва виднелась над ограждением балкона. Волосы, выкрашенные во все цвета радуги, торчали из яркой резиночки, как взъерошенные попугаи.

– Кай Одореску и Туоми Фрай, – шепнул Рим. – Он – бортинженер, она – его помощница.

– А что это они держат?

– Понятия не имею. Они вечно что-то чинят.

– Хорошо хоть не компьютер в этот раз, – проворчал Кип. – Тут такое было, когда Кай в энерпульт полез! Там система самосохранения сбойнула, его не признала и пришибла. Пульт

вырубился, а вместе с ним и все системы, включая двигатель. Пол-оборота на холостом ходу плыли с невесомостью и всем причитающимся, пока Кай в себя приходил.

– Я на потолке проснулся, – поддакнул Рим. – Повезло еще, что воздух остался и корабль не успел остыть.

Весело тут у них.

Финик вскоре убежал, но своим появлением разрядил обстановку, так что ссора между капитаном и Римом затихла, не успев набрать обороты. Перекинувшись с ним еще парой фраз, сводящихся к настойчивым пожеланиям впредь шаттл закрывать, капитан понес газировку дальше, а мы продолжили экскурсию.

– То есть твоя работа заключается в том, чтобы высадиться на чужой планете, собрать о ней информацию и иногда слямзить оттуда какое-нибудь животное?

– Еще я отвечаю за контакты с инопланетянами.

– Ты поэтому со мной возишься?

– А ты думала из-за твоих красивых глаз? – ехидно подковырнул меня Рим.

Я решила не обижаться: как бы ни вел себя Рим, пока он единственный, кто готов мне что-то объяснять.

– Кстати, о глазах, почему они у тебя такие... желтые? Обычно же голубые там или карие... Я сказала что-то смешное?

– Просто представил, что было бы, проберись ты на корабль аморцев, например. Они выглядят, как... ну, что-то вроде воды.

Проберись я на такой корабль, собрала бы прекрасный материал о такой необычной форме жизни! А тут поди докажи, что это пришельцы вообще: цветные линзы, чуточку грима – и вот вам люди. Угораздило же меня попасть к гуманоидам! Ну почему, почему это не какие-нибудь спруты!

– Так что непривычный цвет глаз – это не самое странное явление, Александра.

– Можешь звать меня Сашей, – смилостивилась я.

Чахлому инопланетному переводчику словечко оказалось не по зубам, а без помощи технологий Рим так непередаваемо извратил звук «к», что впору возненавидеть собственное имя. Будто желудком кашлянул!

– Земляне всегда так странно сокращают имена?

– А фиб... фабери... тьфу!

– Флиберийцы, – меланхолично подсказал он.

– Вы всегда ломаете языки полными именами?

Он усмехнулся, на миг обнажив зубы: совершенно обычные, без всяких там клыков и пятен в неположенных местах. Обыкновенная, чуть озорная улыбка. Даже обидно: вроде инопланетянин, а так на человека похож, что даже изучать его стыдно!

– Какой язык, такие и правила. Флиберийские имена не сокращаются, но я слышал, что это в ходу в некоторых мирах. Правда, до сих пор никому не приходило в голову звать меня Римом, и я убей не понимаю, как из Александры получается Саша.

– Скажи что-нибудь по-флиберийски, – заинтересовалась я.

Вообще-то я предполагала, что транслятор переводит любые языки, но благодаря Финику убедилась, что это не так. Наверное, в среде инопланетян, как и на Земле, есть какой-то язык международного общения, на который и настроен мой переводчик.

– Уже говорил. Когда в первый раз заходил, а ты от меня за подушкой пряталась.

Я невольно покраснела и попыталась вспомнить, что же он там такое сказал.

– Что-то про хурму было, да? Ахурм!

– Akharma, – с укором поправил Рим. – Это значит «спокойно».

– Давай что-нибудь подлиннее. Хочу понять, насколько должен быть легким язык, если вы отказываетесь его упрощать.

– N’athi terha itha t’arri, – поразмыслив, выдал Рим, и я заподозрила его в сокрытии дополнительно органа в горле, позволяющего с легкостью воспроизводить столько оттенков чахоточных спазмов. Да это еще хуже, чем название экзоскелета!

Сюрпризом стало то, что Кип не только слету расшифровал сей ужас, но и гаденько над ним захихикал.

– Что ты такое сказал?

– Да так, флиберийская поговорка.

Кип рассмеялся вторично, и я решила не портить себе нервы дознанием, пока не выяснилось, что поговорка нецензурная, да еще каким-нибудь боком касается меня.

– Как ты еще горло не выплюнул с такими звуками!

Рим неопределенно пожал плечами.

– Бывает и похуже. Финик уже год над какой-то табличкой бьется, все никак перевести не может.

– А Земля и на твоём языке так же называется? Как так совпало?

Рим непонимающе нахмурился, но быстро сообразил, к чему я веду.

– Переводчик работает с подбором аналогий. На всегалактическом слово может звучать как угодно. Анализатор подберет нужный синоним из тех слов, что знакомы тебе, и ты услышишь именно его.

– Почему же тогда он не перевел названия корабля и твоей планеты?

– Ну, во-первых, это флиберийские слова, он с ними не работает. А во-вторых, вряд ли в твоей голове есть ассоциация, подходящая для планеты, которую ты даже не видела.

Мы обошли балкон мостовой палубы и снова оказались возле черного круга. Я забежала в него первой, опасаясь, что подлый флибериец снова бросит меня у этой штуки. Силовое поле немедленно провисло, но не настолько, чтобы дать упасть.

– Крутанись, – подсказал Рим.

Я последовала совету и ухнула вниз с чувством, что оставила наверху свой желудок. Как же плохо без обыкновенных, милых, привычных лестниц! И чем, интересно, инопланетянам не угодили лифты?! Встал в кабинку, кнопку нажал, плавно спустился – красота! А здесь разрыв сердца заработать можно!

При приземлении силовое поле спружинило, смягчая посадку, но ощущения все равно были такие, будто я прыгнула с десятого этажа, а внизу по счастливой случайности оказался батут. Едва я отдышалась, как рядом мягко приземлился Рим. Ему этот аттракцион, похоже, неудобств не доставлял.

– Вниз не пойдем, ты там уже была.

– Знаешь, мне тогда было не до созерцания интерьеров. Я спасалась от злобных инопланетян, которые хотели разобрать меня на органы, и их армии клонированных близнецов.

– Ты быстро осваиваешься, – подбодрил Рим.

Мы снова оказались в лабиринте коридоров жилой палубы, и я не выдержала:

– У тебя нет какой-нибудь схемы корабля? Мне бы посмотреть на него сверху, а то никак не соображу, где тут у вас что...

Рим молча вытащил планшет и, поколдовав над ним, протянул мне. Инопланетный девайс я приняла с благоговением; он представлял собой даже не сенсорный экран, а портативный проектор между двумя тонкими бортиками. Очень удобно: можно сложить их вместе и убрать в карман. Мне бы такой в лабораторию, вместо старенького ноутбука, весившего, как три шпала, и столь же функционального.

На экране был снимок космического корабля, похожего на морского ската. Такое же овально-округлое тельце с плоской башкой, крылья-плавники по бокам и даже короткий хвостик: ответвление в задней части корпуса.

– Здесь рубка. – Рим указал на голову «ската», покрытую темным и гладким, будто влажным на вид материалом. – Не считая технических, у нас три этажа: в самом низу связные палубы, ангар с грузовым отсеком и машинное отделение, где находится главный двигатель. Над этим всем жилой этаж с каютами и системами жизнеобеспечения. Мостовая на самом верху, там рабочие отделы, а еще рубка, столовая и спортзал.

– А в хвосте что?

– Владения Венимора. Вот это тоже его. – Рим ткнул пальцем в небольшое помещение справа от рубки. – Здесь что-то вроде стационара и регенерационный модуль – это такая штука для лечения серьезных травм.

– Представляешь, да? – оживился Кип. – Вот так случись что – и беги через весь корабль к врачу. По центру такие вещи надо ставить, по центру!

Рим не обратил на него внимания. Щелкнув по экрану, он открыл мне следующую картинку: схематичное изображение нижнего этажа.

– Ангар, машинное, связные палубы, – поочередно назвал он, показывая их на схеме.

Ну, все понятно: прямоугольники машинного отделения и ангара, зажатые с двух сторон полукружьями связных палуб, на одной из которых и состоялась моя встреча с улиткой и огненным приветствием Рима. Как бургер в разрезе, только кунжута не хватает. Между ангаром и машинным – узкий проход, соединяющий правую и левую палубы, в который я пыталась проскочить, когда убегала от клонированной компании.

Следующая картинка демонстрировала жилой этаж, представлявший собой овальный коридор, с одной стороны которого были каюты, а с другой – целое полчище невнятных схем и чертежей. Пожалуй, конструктор корабля не зря попрыгал все это за стенами: систем обеспечения у «Фибрры» было хоть отбавляй. Немудрено, попробуй-ка снабди такую махину всем необходимым! Судя по количеству кают на схеме, экипаж тут нехилый. Двадцать... тридцать... сорок две... Схема была мелковатой, чтобы подсчитать их сходу, а квадратные подписи не спешили содействовать мне в этом деле.

– Как же вы справляетесь со всем этим?

– Системы жизнеобеспечения требуют только плановой проверки, а все необходимые процессы выполняют роботы, – пояснил гордый представитель высокотехнологичной цивилизации. – Так что экипаж избавлен от необходимости устраивать субботники. Мы выполняем свою работу, а об остальном думает компьютер.

Надо бы посоветовать ему хоть один земной фильм об искусственном интеллекте, который в девяти случаях из десяти становится слишком умным и оборачивается против создателя. Впрочем, если компьютер здесь хоть наполовину такой же самостоятельный, как Кип, он никого не убьет исключительно потому, что побоится запачкать свои виртуальные ручки.

На пару уткнувшись в планшет, мы незаметно миновали коридоры и подошли к каютам. Вместо нормальных номерков на каждой двери были нарисованы все те же разлинованные квадратики. У них и цифры такие же невнятные!

– Вы сами-то не путаетесь в этих черточках? – в сердцах высказалась я, тупо рассматривая свой лингвистический кошмар.

– Всегалактический – очень простой язык, – возразил Рим, уверенно подводя меня к нужной двери. – Его специально разработали с таким расчетом, чтобы любая раса могла читать или на худой конец говорить на нем.

А мне всегда казалось, что научиться читать, наоборот, проще. Хотя их квадратики, наверное, действительно легче произнести, чем расшифровать.

– Будет трудно переключиться на нормальный текст, когда вы вернете меня на Землю.

Рим осекся и соорудил виноватое лицо. Я судорожно сглотнула, уже понимая, что он сейчас скажет.

– Саша, мы сейчас в трех галактиках от Земли и возвращаться не собираемся. Если бы «Фибрра» получила миссию в том секторе, мы бы еще могли слегка отклониться от курса, чтобы забросить тебя домой, а так...

– Но... – Я даже не сразу нашла слова, ошарашенная этим известием.

Что значит «возвращаться не собираемся»?! А я? У меня же своя жизнь! На Земле! Я должна привезти домой эту проклятую бактерию, построить карьеру, доказать всем, что астробиологом быть круто! Они не могут оставить меня здесь!

– Ты говорил, вы не похищаете разумных существ, а теперь увозишь не пойми куда без моего согласия?

– Мы тебя не похищали, ты сама к нам забралась. Прости, мне очень жаль, но тут действительно ничего не сделаешь. Зато на Флиберии...

– Тогда отведи меня домой на шаттле! – перебила я. Послушать про его драгоценную Флиберию можно в другой раз, сейчас важнее моя родная планета. – Пожалуйста, а? И не придется разворачивать корабль...

Рим сочувствующе вздохнул и принялся медленно, чтоб дошло, объяснять:

– Мы слишком далеко. На шаттлах нет межгалактического движка, тут джампер нужен, но они рассчитаны на один туннель, потом подзарядка, а до Земли три как минимум. Где я там заправлюсь? Сектор глухой, даже попутку не поймаешь...

Дальше я уже не слушала: частично из-за непонятных терминов, а еще потому что образовавшаяся в голове пустота давила на уши, как массивная толща воды на дне океана. Не вернусь домой. Не вернусь. Трудно быть внимательной, когда вся прошлая жизнь летит псу под хвост. Я прошла мимо притихшего парня в каюту и замерла напротив иллюминатора. За спиной прошелестела, вставая на место, дверь.

Рим за мной не пошел. Наверное, желание побыть одной было написано на моем лице красноречивее всяких слов.

Космический рейдер «Армада»

Сергей вышагивал вдоль строя наемников, заложив руки за спину, как заправский звездный адмирал, только мундира не хватало. Фок семенил за ним, стараясь не упускать из виду, чему всячески мешало невесомое, но объемистое инфокно, который Сергей поручил ему держать навтыжку, чтобы всем было видно.

– Друзья, – вещал капитан, обводя присутствующих таким ласковым взглядом, словно те и вправду были его добрыми приятелями, а не пиратами-наемниками, завербованными на разных планетах, – мы с вами привыкли быть свободными! Бороздим космические просторы, срываясь туда, куда зовет судьба! Летим, куда захотим, не подчиняясь никому, особенно ничего не смыслящим в реальной жизни бюрократишкам МИК!

По строю прокатилась волна одобрительных смешков, но хватило одного взгляда Сергея, чтобы все вновь смолкло. Фок подумал, что летят они только туда, куда захочет капитан, и при чем тут свобода не понял, но озвучивать эти мысли, разумеется, не стал.

– Да, каждому из нас МИК в свое время перешла дорогу, – продолжил капитан, медленно разворачиваясь и снова проходя мимо выстроившихся в шеренгу людей. Фок выглянул из-за инфокна, понял, что отстал, и поспешно сократил дистанцию. – И сейчас нам выпал уникальный шанс отомстить! – Сергей повернулся к инфокну и развернул на нем изображение космического корабля.

Фок пригляделся к изображению: корабль как корабль, на ската похож. На корме крупная надпись: «Фибрра», а под ней знакомый каждому с пеленок логотип МИК. Что же они там такое ценное из-под носа капитана увели?

– Мой человек сейчас у них на борту. Как только он завладеет нужным, мы получим сигнал и должны будем принять его на борт. К сожалению, – в голосе Сергея прибавилось скепсиса, – я не склонен слепо верить этому человеку. Велика вероятность, что он попытается удрать и присвоить себе то, что я искал много лет.

Капитан сокрушенно покачал головой, будто не желая верить, что в мире существуют мерзавцы, способные на такое предательство. Фок мрачно подумал, что из Сергея вышел бы неплохой актер, так грамотно тот дурил головы.

– Именно поэтому в ближайшие две недели мы станем для «Фибрры» невидимым спутником. Мне нужно, чтобы все вы были готовы в любой момент перехватить челнок, если он вдруг покинет корабль, не предупредив нас.

Пираты одобрительно загудели, выражая готовность не только перехватить ценный груз, но и скрутить в бараний рог любого, кто встанет на их пути.

– Свободны. – Сергей махнул рукой, отпуская экипаж, и вдруг замер, уставившись в угол.

Фок посмотрел туда же, но ничего не увидел. Капитан же побледнел и сделал шаг назад.

– Все вон! – рявкнул он так, что наемники устроили кучу-малу в дверном проеме, стремясь как можно скорее убраться с мостика, а мирно дремавшие в своем вольере гипадеры проснулись и заурчали.

Фок свернул инфокно и тоже хотел удрать, но его остановили следующие слова капитана:

– Что вам надо?! Я же никого не... Уйдите... Уйдите!

К кому тот обращается, Фок так и не понял: в рубке кроме них уже никого не было. Привитое на родной планете воспитание требовало спросить, все ли в порядке, по возможности помочь, но полученный здесь опыт так и вопил: «держись подальше!». Фок замешкался, разрываясь меж двух огней, а потом стало поздно. Пятясь от чего-то невидимого, Сергей налетел на него, шархнул и занес руку, но вместо того, чтобы ударить, неожиданно схватил за шкирку.

– Ты! – голос у него был такой напуганный, что Фок мгновенно ощутил дрожь в коленках. Сергей указал на темный угол: – Там кто-нибудь есть? Вот прямо сейчас?!

– Н-нет, – заикнулся Фок, на всякий случай удостоверившись – вдруг это проверка. – Что с вами? Вы будто с ума сош...

– Я не сумасшедший! – взревел Сергей.

Фок вырвался из странно неловких пальцев, запнулся о провода и упал, с ужасом понимая, что капитан спятил и сейчас наверняка его убьет.

Но Сергей неожиданно сел, обхватив голову руками.

– Я не сумасшедший, – пробормотал он. – Не сумасшедший...

Несколько минут, в течение которых Фок боялся пошевелиться, прошли в напряженной тишине. Потом капитан поднял голову, оглянулся на угол и, успокоившись, устало откинулся на спинку кресла.

– Прости, – тихо сказал он, с нажимом растирая лицо. – Испугался? Не бойся, уже все.

Фок наконец смог нормально дышать и неуклюже поднялся.

– С вами все в порядке?

Сергей выглядел жалко, Фок никогда прежде не видел его таким. Холодная уверенность, обычно сопровождавшая каждое движение капитана, куда-то ушла, и сейчас это был обыкновенный человек, всего-то на десяток лет старше Фока, с ворохом проблем на шее и отчаянием в льдисто-голубых глазах.

– Да, все нормально. Спасибо. Просто тени сегодня чересчур активны.

– Какие тени?

Но капитан молчал, угрюмо глядя на что-то, видимое ему одному.

Межгалактический линкор «Фибра»

Часов у меня не было, а за иллюминатором царила вечная космическая тьма. Понять, когда закончился предыдущий день и начался новый, в таких условиях было невозможно, и я проснулась со странным чувством потерянности во времени.

Спала я в гамаке у окна, незаметно отключившись под невеселые мысли. Никогда бы не подумала, что буду так скучать по привычной жизни! Мне не хватало простых и понятных вещей: родной планеты, любимой лаборатории, коллег и знакомых, стопки пыльных журналов о научных достижениях, казавшихся теперь глубокой древностью, и моей маленькой пустой квартирке.

Интересно, хватились ли меня на работе? Сколько я уже здесь? Сутки? Больше? Коллеги, должно быть, места себе не находят, ведь в ночном лесу могло случиться все что угодно!

Но случилось самое необыкновенное.

Призвав на помощь извечный астробиологический оптимизм, я посмотрела на ситуацию с другой стороны. Может, и не стоит так расстраиваться? Мне же выпал уникальный шанс: ну какой астробиолог не хотел бы оказаться на моем месте? Мы всю жизнь ищем доказательства существования внеземных форм жизни, а тут и искать ничего не надо: полный корабль инопланетян, бери да изучай!

Да, но кому это теперь нужно? Кто станет читать мои статьи, оспаривать гипотезы, подтверждать факты? Кого здесь удивят мои наблюдения? Только на Земле собранные данные стали бы настоящим открытием, прорывом в нашей науке. Но родная планета за тридевять парсеков отсюда.

Мне ужасно захотелось кофе. Каждое утро в лаборатории мы начинали с чашечки бодрящего напитка, это помогало собраться с мыслями, настроиться на рабочий лад и всегда поднимало настроение. Как раз то, что сейчас необходимо.

Я выползла из гамака, потягиваясь и зевая. За ночь удалось хорошо выспаться, а благодаря инопланетной пилюле от простуды не осталось и следа. Самочувствие значительно улучшилось, и о приключениях в лесу напоминали только стоящие в углу ботинки. После тщательной помывки кожа на них облупилась и вытерлась, но заменить их пока было нечем. Неподходящую по размеру одежду носить можно – подвернуть рукава и штанины, стянуть на талии ремнем – но как быть с обувью? Даже если посчастливится найти в панели управления новые боты, далеко не факт, что они окажутся нужного размера. А если учесть, как я лопухнулась с мужской одеждой, шансов и вовсе не остается. Нужно просить Рима решить этот вопрос, но вчера мне не хотелось никого видеть, а теперь одному черту известно, где искать моего проводника.

Умывшись, я на удивление легко натыкала себе завтрак. Кофе, конечно, не нашла, зато с первого раза попала в меню с едой и еле удержалась, чтобы не заказать первые три блюда. Интересно все же, что там? Когда-нибудь обязательно попробую, но сейчас не до того: надо разыскать Рима. Количество вопросов продолжало расти по экспоненте. Кажется, он говорил, что возня с инопланетянами входит в его обязанности? Ну так вот, его работа не собирается сидеть в каюте целый день.

В коридоре было светло и тихо. Ряд одинаковых дверей натолкнул меня на мысль, что надо бы оставить какую-то метку на своей каюте, чтобы потом не ломиться к соседям с идиотским «а вы не знаете, где я живу?». Поразмыслив, я вернулась к себе, взяла тюбик зубной пасты и поставила на двери размашистый плюс. Критически оглядев его, решила: гулять так гулять! – и дорисовала рядом классического лысого инопланетянина с вытянутой башкой и большущими каплевидными глазами.

Художник из меня тот еще, так что пришелец получился на редкость отвратительным. Вторая нога на двери не поместилась, и пришлось креативно ее обрезать, окончив коленный сустав модной туфлей на высокой шпильке. Существу с такой культей был прямой путь на каталку за милостыней, так что пририсованная сбоку летающая тарелка, стоящая на парковке для инвалидов, добавила реализма и даже некой драмы.

Картинка вышла просто загляденье! Ярко-голубой цвет зубной пасты очень стильно смотрелся на белом пластике стен, а сильный запах мяты добавлял глубины. Полюбовавшись на результат и заслуженно восхитившись своим творческим размахом, я повернулась, чтобы уйти, и уткнулась взглядом в одного из клонов-близнецов с планеты как-ее-там. Он только что вышел из каюты неподалеку, но остановился, сраженный моим талантом наповал.

Он так изумленно хлопнул глазами, что я покраснела и поспешно пролепетала оправдание:

– Это чтобы каюту запомнить.

– Там есть номер, – с глубокой убежденностью уведомил меня клон.

– Я цифры не различаю, – окончательно добила его я. – Кстати, вы Аримавира не видели?

– Кого? – непонимающе переспросил близнец, продолжая замороженно таращиться на произведение надверного искусства.

Я мысленно чертыхнулась. Полное имя Рима никак не желало откладываться в памяти, изворачиваясь на языке, как свежепойманная селедка, а придуманного мною сокращения тут никто не знал.

– Белые волосы, желтые глаза, и у него этот, как его... экзоскелет!

Несмотря на вдохновенную пантомиму в моем исполнении, бедный клон запутался еще больше. Похоже, все флиберийцы корабля, будь они неладны, подходили под это описание.

– Он начальник группы высадки! – запоздало осенило меня.

Клон, наконец сообразив, чего, вернее, кого от него хотят, кивнул, на миг прикрыл глаза и тут же отрапортовал:

– Айримир в каюте девяносто два. Это туда. – Он махнул рукой, указывая направление. – Твоя дверь тринадцатая, всего их сотня, так что считай в обратном порядке.

Какой-то несчастливый номер у моей каюты...

Поблагодарив, я побежала по коридору, на ходу отсчитывая двери. Как удачно он мне встретился, сама бы сроду не нашла Рима в этом муравейнике! Гулкий коридор каютной палубы был совершенно не похож на другие этажи, и в первую очередь отсутствием толпы. Одно из двух: либо пришельцы идейные трудоголики и редко бывают в собственных каютах, либо, что вероятнее, им просто не приходится в голову задерживаться на пустой палубе, когда на корабле куча мест поинтереснее. Пожалуй, я и сама охотнее прогулялась бы где-нибудь еще: однообразие белых стен, дверей, потолка и пола почему-то стойко ассоциировалось с больницей. Не хватало только скорбящих пациентов на костылях и спящих туда-сюда врачей.

Девяносто четыре, девяносто три...

Интересно, стучать надо? Панели плотные и толстые, звук сквозь них может и не пройти. К тому же, вдруг у пришельцев принято плясать, пока не впустят, или петь на пороге матерные частушки. Моя дверь автоматически открывалась, каким-то чудом точно угадывая момент, когда я собиралась войти, в другое время безропотно позволяя себя разрисовывать, но здесь так не получилось. Видимо, они пускали без вопросов только хозяев кают.

Как еще привлечь внимание Рима я не знала, так что пришлось импровизировать. Опасаясь повторения инцидента на шаттле, я поколотила ногой по стене рядом с дверью, решив, что уж она-то точно никуда от меня не денется. Получилось громко.

Дверь скользнула в сторону, я радостно шагнула внутрь и уперлась лбом в ладонь очень озадаченного Рима. К счастью, в этот раз огонь он зажигать не стал, так что мне повезло отделаться легким испугом.

– Ты чего?! – Я поскорее отпрыгнула, предпочитая обойтись без интимной близости с горячим в буквальном смысле слова парнем.

– А, это ты, – он опустил руку и отошел в сторону, давая мне возможность пройти внутрь. – Такой шум подняла! Я решил, у Венимора опять какая-то тварь удрала и теперь по кораблю бродит.

– А что, такое часто случается? – похолодела я. Воспоминания о страхолюдском докторе успели потускнеть, но если его неведомых «тварей» даже Рим боится, то мне вообще лучше в коридор не высовываться.

– Чаще, чем хотелось бы, – проворчал Рим и склонился над столом, ковыряясь в каком-то приборе. – Прошлая зверюшка, помнится, стреляла иголками, и не сказал бы, что мы понравились друг другу с первого взгляда. Особенно, если учесть, что она вылилась на меня из вентиляционной решетки в душе.

Беглый осмотр каюты показал, что Рим, ко всему прочему, еще и жуткий неряха. Все, что можно было выдвинуть с помощью панели управления, здесь было выдвинуто и завалено инопланетным барахлом. На полу тут и там высились горки странных предметов, о назначении которых можно было лишь догадываться. За открытой дверкой гардероба царил такой же бардак, как в незабвенном шкафу шаттла. Голограмма кресла едва виднелась за сваленной на него одеждой. Я пригляделась внимательнее и заметила еще один плащ с крысиной шерстью, в точности как тот, на шаттле, только в этот раз ядрено-розовый. Это что, писк инопланетной моды? Неужели Рим это носит? На попытке представить флиберийца в этом гламурном кошмаре моя фантазия позорно капитулировала.

– Чем ты занят? – поинтересовалась я, осматриваясь в поисках места, куда можно присесть. Более-менее свободной от хлама была только кушетка, но садиться на незастеленную кровать было совестно. К тому же, пройти туда можно было, только петляя между завалами, так что я осталась стоять, сведя руки за спиной, дабы не подвергать их искусству облапать что-нибудь эдакое.

– К высадке готовлюсь. У нас по плану Бран. – Прибор на столе выпустил сноп искр, и Рим прихлопнул их прямо голой рукой. – А ты что, по мне соскучилась?

Подкол я пропустила мимо ушей. Вот это да: мы, оказывается, рядом с другой планетой, да еще обитаемой – иначе зачем бы пришельцы стали на нее высаживаться?

– Вы будете ловить животных?

– Ага, бранийского шмыгореза. Их там всего десяток остался. – Рим на секунду выпрямился, критически осмотрел приборчик и снова склонился над ним. – Надо генокод скопировать, пока окончательно не вымер. Потом можно будет клонировать и разослать в заповедники.

– Возьми меня с собой! – взмолилась я. Посмотреть на инопланетное животное в естественной среде обитания – да разве можно упустить такую возможность? Раз меня не могут вернуть домой, пусть хоть нормальных инопланетян покажут!

– Еще чего не хватало! – Рим от удивления даже оторвался от починки. – Чтобы я вместо шмыгореза ловил неугомонную землянку?

– Я буду хорошо себя вести! – горячо поклялась я. – Ты меня даже не заметишь, возле корабля постою, и все!

– Не замечу, потому что ты не полетишь, – отрезал Рим.

– Но я всегда мечтала увидеть инопланетную форму жизни!

– Ты вообще-то на нее сейчас смотришь.

– Ну ты какой-то не очень инопланетный... – пробормотала я, краснея под насмешливым взглядом. – В смысле, выглядишь почти как человек, разговариваешь нормальным языком, а не шелкаешь там или воешь...

Рим расхохотался, смутив меня окончательно.

– То есть земляне считают инопланетянами только тех, кто вместо слов издает щелчки? Неудивительно, что вы дальше своей Луны не улетели.

– Слушай, ты можешь не издеваться? – обиделась я и слегка приукрасила серую действительность: – Между прочим, перед тобой обученный астробиолог! Жизнь во всем многообразии – моя профессия!

– А моя профессия – следить, чтобы земные астробиологи не вредили чужим экосистемам. Вы со своей-то планетой справиться не можете. На Земле за поколение вымерло несколько десятков видов, и что вы сделали, чтобы остановить это?

– Во-первых, мы постоянно боремся с проблемами экологии, а во-вторых, объясни мне, наконец, что такое это ваше «поколение»!

Рим закончил ремонтировать прибор, выпрямился и защелкнул его на корпусе Кипа.

– Поколение – это средний возраст флиберийца к моменту рождения его внука. Эта единица включена в межгалактический реестр измерений, МИК пользуется ею, когда речь идет о больших отрезках времени.

С математикой у меня были сложные отношения, основанные на взаимной ненависти и отчаянном зазубривании нужных формул, но прикинуть в уме я все же попробовала:

– Примерно сорок земных лет?

– Думаешь, я помню периоды обращения всех планет, на которых бывал?

Я скрипнула зубами и назвала нужные цифры. Приступы высокомерия, которые случались у Рима, неимоверно бесили.

Парень прищурился, вычисляя.

– В земных около семидесяти, я думаю.

– Это вы так медленно растете или долго живете? – опешила я.

– И то, и другое у нас среднее по сверхразвитым планетам. Как раз поэтому именно наше «поколение» стало всегалактической единицей.

Рим вышел в коридор и обернулся, ожидая, когда незваная и не в меру любопытная гостья покинет его каюту. Я помотала головой и решила, что к вопросу о продолжительности жизни на Флиберии еще успею вернуться.

– Рим, пожалуйста! Пожа-а-алуйста! – снова заканючила я, мертвой хваткой вцепившись в его рукав. Даже под одеждой он был непривычно горячим, будто свежеиспеченный пирог, завернутый в полотенце.

– Да возьми ты ее! – неожиданно поддержал меня Кип, но не успела я умилиться, как он разрушил впечатление: – Вдруг получится ее там случайно забыть? Избавишься от проблемы, и даже МИК за жестокое обращение не придерется: эта адреналинница сама в команду напросилась.

Рим так красноречиво задумался, что я на секунду усомнилась, так ли уж мне нужна эта высадка. Но вдруг больше не будет возможности?

– Рим, прошу тебя! – Я обежала его, вынудив остановиться, и умоляюще заглянула в глаза. – Очень-очень прошу!

Он сокрушенно покачал головой, секунду помолчал, наверняка костеря меня в мыслях последними словами, и наконец сдался.

– Ладно. Но с шаттла ни ногой!

Шаттл нырнул в открывшийся шлюз, как чайка в море. У меня екнуло в желудке, но комфортное голокресло справилось с обеспечением удобства однозначно лучше шкафа. К тому же, в иллюминаторах, на этот раз не скрытых за шторками, был такой вид, что неприятные ощущения быстро отошли на второй план.

Под нами простиралась планета с насыщено-синими водами океанов, сочной зеленью материков и белыми облачками над всем этим.

– Кажется, мы сектор перепутали и случайно на Землю вернулись.

Шутку пришельцы не поняли. Рим посмотрел на меня укоризненно, а близнецы обидно рассмеялись. Я решила в отместку прозвать их Эником и Беником, настоящих имен у них все равно нет.

Мы пришли в ангар раньше, и Рим успел рассказать о них в общих чертах, чтобы я больше не называла их клонами. Оказалось, что на Твиник-3 вообще нет различий между людьми. Все население этой загадочной планеты – точные копии друг друга, и все они, по сути, являются высокоорганизованными клетками единого живого организма. Твиникийцы редко покидают родную планету по доброй воле, но общество может их изгнать, если сочтет недостаточно полезными.

– Но если они все клетки одного тела, как же кто-то вдруг оказывается ненужным?

– У Землян есть схожее определение: злокачественная опухоль, – объяснил Рим. – Никто не знает точных причин, по которым твиникийцев признают ненужными, и не вздумай у них спрашивать – это смертельная обида.

Изгнанники навсегда покидают Твиник-3 и перестают ощущать с ней связь, однако могут образовывать единый разум с другими отверженными «клетками». Без общества себе подобных твиникийцы редко выживают, им обязательно нужно ощущать себя деталью чего-то большего.

Ментально сцепленные «клетки» видят глазами и слышат ушами друг друга и обладают общей памятью. Благодаря этой особенности и коллективному разуму, твиникийцев можно использовать в качестве живой системы видеонаблюдения. И хотя защитники из них неважные, зато их невозможно застать врасплох, ведь если на одного из них нападут, об этом мигом узнают все остальные. На «Фибрре» служат три десятка твиникийцев, так что можно сказать, что корабль охраняет одно многоголовое существо. Неудивительно, что они так быстро отыскали Рима по моей просьбе.

Эник потыкал в виртуальные кнопки, и шаттл, плавно выровнявшись, с сумасшедшей скоростью полетел над атмосферой планеты. Я прильнула к иллюминатору, насколько позволяла система фиксации кресла, с восторгом собаки, которую впервые катают на машине. Конечно, это не Земля – очертания континентов были совсем другими – но все же что-то родное.

– Рим, можно мне спуститься вместе с вами? Минутку постою и сразу назад, ты даже не успеешь отойти.

– Мы договаривались, что ты останешься на корабле.

– Но я ведь не ребенок и глупостей делать не стану!

– По галактическим меркам ты самый настоящий ребенок, – парировал Рим, даже не глядя на меня. – Всего лишь девчонка с отсталой планеты, а мне на посадке лишний груз ни к чему.

– Лишний груз?!

Рим недовольно поморщился.

– Только не начинай, а? Сама должна понимать, что от тебя не будет никакой пользы. Земляне еще ДНК до конца не расшифровали – о чем тут говорить?

– А флиберийцы просто цари мира, если тебя послушать! – взбеленилась я, посчитав выше своего достоинства доказывать, что насчет ДНК он тоже ошибается. – Вот и сидели бы на своей Флиберии, раз круче вас все равно никого нет. Или вы там со своим эго не помещаетесь?

В кабине как-то потеплело, и Эник с Беником начали беспокойно оглядываться на Рима. Я тоже притихла, почуяв что-то нехорошее и слегка перетрухнув, но Рим ответил спокойно и твердо:

– Саша, ты останешься на корабле. Разговор окончен.

Я отвернулась к окну, красочно представляя, как выворачиваю Риму на голову ведро воды, чтобы маленько сбить с него спесь.

Шаттл мягко коснулся поверхности планеты, нас даже не тряхнуло.

– Почему ты никогда не оставляешь на корабле меня? – подал голос Кип. – Вечно по этим планетам таскаемся, микробы цепляем... Эй, ты что, я же пошутил!

Рим решительно стащил с руки коммуникатор, бросил его в кресло и вышел вслед за Эником и Беником, на этот раз закрыв за собой шлюз.

– Псих! – буркнул Кип, но голос у него был скорее озабоченный. – Вот куда он поперся без связи? А если что-то случится?

– И не говори. – Я хмуро смотрела в иллюминатор на уходящих парней, пока они не разделились и не разошлись каждый в свою сторону. – Кто защитит бедных бранийских зверушек от этого пиротехника, если они вдруг столкнутся?

Кип только вздохнул.

Любопытно, сколько нужно времени, чтобы изловить бранийского шмыгореза? Еще в полете Рим обмолвился, что сперва нужно отыскать его, а сделать это не очень-то просто, даже несмотря на то, что мы изначально сели в нужном районе поиска.

Оказалось – много. Уже через час я мечтала о том, чтобы шмыгорезы бродили стадами вокруг шаттла – тогда ребята быстро справились бы с задачей, и мы с чистой совестью рванули назад. Вот уж не думала, что у пришельцев такая скучная работа! Хотя им-то весело: ходят себе по травке, природой любуются, шмыгорезов высматривают. Интересно, как вообще выглядит этот загадочный зверь? Может, это и не животное вовсе, а птица? Все еще прозрачная крыша шаттла позволяла разглядывать небо, но там не было ничего, кроме облаков. М-да, не планетка, а тоска зеленая, даже ворон не считаешь.

Список доступных мне развлечений был скуден, как шерсть на хвосте опоссума. Пульт управления завлекающее подмигивал кнопочками, но я не решилась его трогать: еще нажму что-нибудь не то и улечу в открытый космос. Голографические кресла меня тоже не заинтересовали, у самой в каюте такое же. Больше в кабине ничего не было, и тут в памяти всплыл шкаф. Вернее, говорящая дверь.

Я подошла к печально знакомой дверце и вежливо с ней поздоровалась. Она хамски меня проигнорировала, зато откликнулся Кип:

– Ты в своем уме, Саша? Это шкаф!

– Когда я прилетела к вам, эта дверца мне что-то сказала, – пояснила я, осматривая вышеупомянутую конструкцию с дотошностью ищейки.

– М-м, – глумливо протянул Кип. – И часто с тобой подобные вещи случаются?

– Честно говоря, только один раз было. Выходит, мне померещилось?

– Сама подумай. Даже если предположить, что с тобой заговорила дверь, как ты умудрилась ее понять? У тебя ведь тогда не было переводчика.

– Жаль. Это был бы отличный экспонат в моей копилке чудес. Значит, двери не говорят даже на космических кораблях?

– Конечно, нет! – отрезал Кип. – Все двери страшно чванливы и не стали бы общаться с какой-то там землянкой.

Я хотела что-то сказать на это заявление, но не нашла слов и захлопнула рот.

В задней части кабины обнаружилась еще одна комнатка, не замеченная мною ранее. Так вот откуда вышел пилот, из-за которого мне пришлось прятаться в шкафу! Там оказалась крохотная кухонька, похожая на те, какими оборудуют трейлеры и домики на колесах. В ней не было ровным счетом ничего инопланетного – моя квартира и то технологичнее! Стопка пластиковых тарелок в углу дополняла впечатление холостяцкой берлоги. Я прошла внутрь и

тут же врезалась лбом в потолочную балку, сливавшуюся с окружающей обстановкой до полной невидимости. Судя по заметной вмятине, группа высадки регулярно разбивала головы об это чудо инженерной мысли, а кое-кто после очередного удара еще и вымещал на ней зло: рядом была вторая вмятина, поменьше – по размеру кулака.

В кухонных шкафчиках царил все тот же впечатляющий бардак. Я вытащила за уголок пакет с яркой надписью на всегалактическом и просыпала на себя какую-то специю, остро пахнущую рыбой. Приправа адски щипала кожу и выявила во мне незаурядные способности к африканским ритуальным танцам в процессе вытряхивания ее из воротника.

Плюнув на осмотр кухни, я заглянула в санузел и едва там развернулась. Какого-нибудь клаустрофоба можно было бы смело хоронить прямо под бачком, предварительно отрезав руки-ноги и сложив остальное четверо: уместиться в тесной кабинке менее радикальным способом было затруднительно. Угнетенная спартанскими условиями, я вернулась в кабину, усеялась в голокресло и тоскливо уставилась окно.

Потянулись томительные часы ожидания.

– Что-то долго они. – Взволнованный голос Кипа вырвал меня из заторможенной дремоты.

Я вся извелась от скуки! Планета Бран оказалась похожей на Землю не только из космоса, и поглазеть было решительно не на что. Унылый пейзаж набил оскомину уже через несколько минут. Шаттл стоял на мелкотравной пустоши, кое-где высились редкие кустики, вдалеке начинался лесок, а за ним – горы. В общем, самая обычная картина: ни тебе лавовых рек, ни причудливой растительности. Единственным, что хоть как-то привлекало внимание, был одинокий холмик неподалеку от шаттла. Интересно, откуда взялся этот пригорок на сравнительно равнинной местности? Может, это вообще не холм, а такой гигантский муравейник? И там кишмя кишит инопланетная фауна, пока я торчу здесь, как принцесса в драконьем логове! А коль уж «дракон» беспечно улетел за шмыгорезом, грех не использовать такой шанс.

– Ты куда? – всполошился Кип, когда я потянулась к рычагу, которым парни открывали шлюз.

– Пойду ноги разомну.

Дверь опустилась вниз, образуя ступеньки.

– Не смей! Айримир приказал сидеть на корабле!

– Я к нему в рабы не записывалась.

– Саша, там опасно! Ты же не знаешь эту планету!

– Ха, опасно! Кип, кому ты врешь, я битый час в окно пялилась и ни одной опасности не высмотрела. Тут даже мухи не летают.

– Я немедленно свяжусь с группой высадки!

– У Рима связи нет, – мстительно напомнила я.

Кип примолк, наверняка уже закладывая меня близнецам, но это не помешало мне все-таки спуститься вниз. Ничего, тут хорошая видимость, так что заметить ребят и быстренько вернуться на корабль будет нетрудно. Твиникийцы вряд ли станут поднимать бучу из-за такой мелочи, а Риму не мешает прививка от высокомерия. Пусть знает, что не весь мир вертится вокруг него.

На краю сознания копошилась мысль, что ссориться с единственным человеком на корабле, которого хоть немного волнует моя судьба, глупо и неблагодарно. Но я успокоила совесть тем, что ничего плохого делать не собираюсь. Всего лишь прогуляюсь до холмика, пойму, что это, и мигом назад. Рим даже не заметит отлучки.

Стоило спуститься вниз, как планета будто преобразилась. Незнакомые звуки будоражили разум, унылый пейзаж расцвел: небо отсюда казалось куда ярче земного, деревья – зеле-

нее. Я осторожно обошла вокруг корабля, смеясь с каждым шагом. В совсем иной на ощупь траве стрекотало, но как я ни старалась высмотреть в ней инопланетных кузнечиков, так никого и не разглядела. Насекомых будто вообще не было: не пролетали с жужжанием луговые пчелки по своим делам, не приставали с назойливым писком комары. Вот где без репеллента жить можно! Со стороны леса доносилось басовитое кваканье, будто там засели полчища гигантских лягушек. Воздух пах теплыми листьями и прелой землей, а легкий ветерок отчетливо отдавал тиной.

Вот только дышалось тяжело. Пройдя всего несколько метров, я так запыхалась, что предпочла остановиться и отдышаться. Близнецы и Рим уверенно вышли наружу без всяких скафандров, и мне казалось, что атмосфера должна быть пригодна и для меня. Но кислорода оказалось куда меньше, чем на Земле. Наверное, так себя чувствуют люди в разреженном воздухе высоко в горах. Опытному скалолазу наверняка пришлось бы легче, ну а мне с непривычки было трудновато.

Холмик меня разочаровал: никаких муравьев, термитов и прочей живности на нем не наблюдалось. К тому же, он оказался ближе, чем казалось из шаттла, и пропорционально ниже – примерно мне по пояс. Я вскарабкалась на вершину и огляделась, жалея, что нет фотоаппарата.

Шаттл остался в каких-то пятнадцати метрах, так что страшно мне не было. С пригорка я мигом засеку любую опасность, добегу до корабля и окажусь внутри раньше, чем она меня увидит.

Но опасность уже была у меня под ногами.

Холмик оглушительно хрустнул и просел. Я испуганно дернулась и в следующую секунду с визгом провалилась вниз.

Удар о землю вышиб воздух из легких, так что первые несколько минут я судорожно кашляла в попытках нормально вдохнуть. Когда кислород наконец-то начал поступать куда полагается, а не в желудок, отзываясь там тупой болью, я с кряхтением уселась, потирая отшибленные места. Да уж, мягким приземление не назовешь. Повезло, что хоть без переломов обошлось. Над головой обнаружилась круглая дыра с оборванными ветками по краям, еще недавно бывшая верхушкой холмика.

– Ну просто блеск! – прошипела я.

Яма оказалась не слишком глубокой: подпрыгнув, я наверняка смогла бы уцепиться за край руками. Но там же еще подтянуться надо, а с этим у меня всегда были трудности. Наверное, стоило почаще ходить на физкультуру вместо того, чтобы использовать «лишние» пары для зубрежки. Тем не менее, я попробовала и, конечно, потерпела сокрушительное фиаско. Допрогуливалась! Еще немного побарахтавшись, я свалилась вниз и злобно уставилась на отвесную стену ямы, сетуя на пробел в своем образовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.